

ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭДИНБУРГЕ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Записки сыщика викторианской эпохи

★ ДЖЕЙМС МАКЛЕВИ ★

Джеймс Маклеви

**Любопытные преступления в
Эдинбурге за последние 30 лет**

«Автор»

2026

Маклеви Д.

Любопытные преступления в Эдинбурге за последние 30 лет /
Д. Маклеви — «Автор», 2026

Эдинбург середины XIX века — город, где за респектабельными фасадами скрывается мир воров, мошенников, скупщиков краденого и отчаянных авантюристов. Джеймс Маклеви, один из первых сыщиков полиции, приглашает читателя пройти с ним по ночным переулкам, трактирам и притонам шотландской столицы. В двадцати восьми историях он расследует дерзкие ограбления, исчезновения и преступления, которые кажутся неразрешимыми. Его оружие — не только наблюдательность и упорство, но и юмор, знание человеческих слабостей и умение разговорить подозреваемого. Каждое дело превращается в маленькую драму, где случайная деталь может стать решающей уликой. Изданная в 1861 году книга соединяет живой рассказ очевидца с портретом повседневной жизни викторианского Эдинбурга — без прикрас, но с неизменной иронией автора. Оригинальное произведение является объектом общественного достояния

© Маклеви Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	7
БИОГРАФИЯ МИСТЕРА ДЖЕЙМСА МАКЛЕВИ	8
ФОКУСНИК	10
СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА	16
НАРУЧНИКИ	20
КРАСНЫЕ ЛЕНТЫ	25
СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ	28
ОЛОВЯННАЯ ЛОЖКА	33
ДОЛГО ИСКАЛИ — НАКОНЕЦ НАШЛИ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джеймс Маклеви
Любопытные преступления в
Эдинбурге за последние 30 лет

ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ЭДИНБУРГЕ
ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ЭДИНБУРГЕ
ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

АВТОР

ДЖЕЙМС МАКЛЕВИ,

СОТРУДНИК СЫСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЭДИНБУРГСКОЙ ПОЛИЦИИ.

ЭДИНБУРГ:

УИЛЬЯМ КЕЙ, БАНК-СТРИТ, 5.

ЛОНДОН: ДЖОРДЖ ВИКЕРС, СТРЕНД, 172.

1861.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	6
Биография мистера Джеймса Маклеви	8
Фокусник	11
Счастливая страна	22
Наручники	30
Красные ленты	41
Святая земля	47
Оловянная ложка	58
Долго искали — наконец нашли	67
Лебедь	77
Пальто	87
Белфастский ключ	101
Нога мёртвого ребёнка	114
Ведро для золы	128
Шкатулка с драгоценностями	137
Висячий замок	143
Сапоги	151
Окровавленный молескин	157
Тайна скупщика	168
Шёпот	178
Смех	189
Дыхание	197
Мальчишка	202
Пираты	210
Наблюдательный пост	219
Письмо	229
Решение	240
Ниви, ниви, ник-нак	245
Толчок	255
Семена сена	270

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Случаи раскрытия преступлений, собранные в этом томе, составляют лишь часть, и притом очень малую часть, опыта мистера Джеймса Маклеви, отобранную из не менее чем 2220 дел, в которых ему почти неизменно удавалось добиться обвинительных приговоров. Эти удивительные приключения скажут сами за себя и сразу покажут огромную разницу между литературой, которую можно читать с уверенностью, что перед вами правдивый рассказ о происшедшем, и другой литературой, которая, выдавая себя за правду, представляет собой лишь вымысел, имеющий в своей основе несколько крупиц истины, а порой и вовсе ни одной. Боюсь, что к этому последнему роду следует отнести большую часть книг, выходявших в последнее время под видом воспоминаний сыщиков, поскольку их авторы не только не принадлежат к числу этих людей, но зачастую вовсе не знакомы ни с ними, ни с их приёмами и черпают материал — чем удивительнее, тем успешнее — из собственного плодovitого воображения. Имя мистера Маклеви служит порукой этой книги; и вполне заслуженно, ибо он известен по всему королевству не только честностью и правдивостью, но и обладанием многими качествами, из которых складывается искусство успешного сыщика; и не будет преувеличением сказать, что, не имея, бесспорно, ни теперь, ни прежде соперников в Шотландии, он имеет очень немногих, если вообще имеет, в Англии. Нет необходимости перечислять эти качества, среди которых непременно должны быть природная проницательность, изобретательность, решительность и мужество, но я могу заметить, что он широко известен тем, что неизменно соединял их с обходительностью, сдержанностью и доброжелательностью — качествами, не всегда встречающимися у людей его профессии.

Польза, которую может принести книга подобного рода, кажется совершенно очевидной; ибо, хотя в ней тщательно избегалось всякое потакание жажде подробностей преступлений, читателю представлен такой ряд примеров, в которых злодеяния выводились на свет словно чудом, что никто не сможет прочесть их, не проникнувшись убеждением, что в наши времена, когда тёмные пути порока находятся под столь пристальным наблюдением, едва ли возможно совершать зло и не быть тем или иным образом разоблачённым.

Приведённые в этом томе случаи составляют, как я уже сказал, лишь небольшую долю раскрытых мистером Маклеви преступлений; но если это, как я надеюсь, сочтут недостатком, то автор намерен его исправить.

БИОГРАФИЯ МИСТЕРА ДЖЕЙМСА МАКЛЕВИ

Мистер Маклеви родился в приходе Баллимакнаб, в графстве Арма, в Ирландии; его отец был мелким фермером. Получив надлежащее образование, в тринадцать лет он был отдан в ученики к мастеру по изготовлению тонкого льняного полотна и продолжал заниматься этим ремеслом до семнадцати лет, когда перебрался в Шотландию. Прожив два года в Гейтхаус-оффлите, он переехал в Эдинбург, где сначала работал у мистера Уоллеса, в то время видного строительного подрядчика, а впоследствии у мистера Уокера, зятя мистера Уоллеса. Позднее он поступил на службу к мистеру Роберту Патерсону, строительному подрядчику и налоговому инспектору. Всё это время он отличался честностью и достойным поведением, временами обнаруживая причудливое чувство юмора и ту изобретательность, которая столь ярко проявилась в его дальнейшей карьере.

В частности, мистер Маклеви своей неизменной добросовестностью настолько расположил к себе мистера Патерсона, что тот, вероятно заметив в нём и другие способности, которым можно было найти лучшее применение, нежели ежедневная работа подносчика кирпичей, посоветовал ему поступить в полицию и пообещал добиться того, чтобы капитан Стюарт принял его на службу. Он тотчас согласился на это предложение, и, поскольку ходатайство мистера Патерсона увенчалось успехом, в августе 1830 года он поступил на службу ночным сторожем. В этой должности он прослужил до 1833 года, когда, заболев лихорадкой, был помещён в больницу. Хотя одно время его состояние было опасным, вскоре благодаря крепкому телосложению у него начали появляться признаки выздоровления; и именно тогда произошёл случай, достойный упоминания как свидетельство его склонности «выводить людей на чистую воду». По-видимому, врач, наблюдавший за его палатой, с удовлетворением заметив, что его пациент, к которому он, вероятно, питал больше обычного участия, поправляется, распорядился давать ему питательную пищу и вино. В первый же день после этого распоряжения сиделка принесла назначенное. К пище претензий не было, но больному показалось, что вина дали не только меньше, чем ему хотелось и было нужно, но столь мало, что оно не могло принести ему никакой пользы. Он сразу заподозрил сиделку в том, что она присваивает часть столь необходимого ему вина. Поэтому, когда на следующий день врач во время обхода спросил пациента, как подействовало на него вино, тот ответил: «Да что вы, сэр, оно никак не могло мне повредить, ведь его было так мало, что я едва заметил, как оно попало ко мне в желудок». «Что ж, получите больше, — ответил он; — я дам распоряжение сиделке». На следующий день сиделка явилась снова, на этот раз с бутылкой, в которой было изрядное количество вина. При её появлении Маклеви покосился, увидел бутылку, затем натянул одеяло себе на голову, оставив щель лишь для одного глаза, и принялся громко храпеть. Сиделка подошла, убедилась, что больной спит, приложилась к горлышку бутылки и выпила почти половину. «Так-так, — спокойно произнёс больной, высунув голову, — вот куда уходит моё вино. Сударыня, это будет самый дорогой глоток за всю вашу жизнь». Тогда женщина принялась проповедовать, молиться и взывать к его чувствам, уверяя, что, если он донесёт на неё, её уволят и она, одним словом, окажется погубленной. Но Маклеви так и не сказал, что не станет доносить, — он оставил своё намерение при себе, и последствия оказались весьма счастливыми для него и не столь уж несчастными для женщины, которая с того дня давала ему даже больше вина, чем он мог выпить, как в чистом виде, так и в виде негуса, — и всё это способствовало его выздоровлению.

Когда он оправился от этой болезни, врач сказал ему, что следует отказаться от ночной работы, и потому он отправился к капитану Стюарту с намерением подать в отставку. Этот господин, умевший сразу распознать умного человека и знавший, где искать таких людей, предложил Маклеви повышение — место в штате сыскной полиции. Таким образом, в 1833 году он был назначен на должность, которую с тех пор занимал с такой честью для себя и пользой для

общества. Вскоре его имя стало известно повсюду, и если Маклеви брался разыскивать или преследовать вора либо грабителя, считалось, что тот уже пойман. Достаточно взглянуть на число расследованных им дел — 2220, — чтобы составить некоторое представление об огромном количестве имущества, которое благодаря ему вернулось к владельцам, о числе преступников, преданных им правосудию, и о воздействии, оказанном им на заметное сокращение преступности. К счастью, этому последнему результату способствовали и другие причины; но нельзя отрицать, что, по крайней мере в Эдинбурге, значительная часть успеха обязана именно его усилиям.

ФОКУСНИК

Чем больше я размышляю о своей богатой событиями жизни, тем больше убеждаюсь, что бывают совпадения, которые невозможно объяснить обычными расчётами Случая, ибо, хотя многие свои удачные находки я приписывал ей, той, кого называю своей покровительницей, всё же я совершенно уверен, что её милость, отнюдь не будучи Щедрой Дамой, в весьма большой степени является Дамой Благодарной, которая требует, чтобы её любимцы сделали нечто заслуживающее её внимания, — быть может, немного польстили ей, хотя это не очень-то в моих правилах.

Около 1840 года совсем ещё юного мальчика в Бонессе послали его хозяева, как мне кажется судовладельцы, отнести 200 фунтов в банк и положить на их счёт. По дороге он встретил человека, пользовавшегося доброй репутацией и занимавшегося учительским ремеслом. Должно быть, им овладел сам демон честолюбия, или, быть может, ему надоело стаскивать с учеников штаны и сечь их розгами, что, по-видимому, не приносило миру никакой пользы, поскольку люди, несмотря ни на что, оставались столь же дурными, каким он в глубине души чувствовал самого себя, невзирая на все порки, перенесённые им самим, — так или иначе, он набросился на мальчика, в котором, как он подозревал, был посыльный с деньгами, и силой отнял у него всю сумму. Каким образом ему удалось скрыться в таком маленьком городке, да ещё среди бела дня, — загадка, объяснения которой я никогда не слышал, но несомненно то, что он действительно бежал из города, несмотря на поднявшийся по соседству переполох. Если бы он выбрал какую-нибудь дорогу, ведущую из города в глубь страны, особенно дорогу на Эдинбург, его бы схватили; и я всегда считал наиболее вероятным, что он укрылся в каком-нибудь из низких, непочтенных домов, обитатели которых питают горячее сочувствие к обладателям наличных денег, пока деньги у тех не иссякнут, после чего выставляют их за дверь, — и «так им и надо».

Мы, конечно, получили об этом сведения; однако через несколько недель я заключил, что этот человек либо вовсе не приезжал в Эдинбург, либо быстро покинул его. Но известие о его преступлении дошло сюда и вызвало немало толков благодаря своей необычности, ибо хотя школьные учителя нередко бывают порочны, на большую дорогу они выходят редко. Когда я знаю, что человек не укрывается под переменчивым крылом алиби, его, разумеется, надлежит изловить — это несомненно. Таково моё правило; однако, никогда не считая себя всеведущим, я могу успокоиться, как только удостоверюсь, что человека нет в пределах моего участка. Но мой участок, бесспорно, был весьма обширен, и трудность заключалась в том, чтобы установить отсутствие одного человека среди примерно двухсот тысяч присутствующих; к тому же я не из тех, кто легко расстаётся с надеждой, так что в этом случае моё заключение было скорее вынужденным.

Примерно через неделю или десять дней после происшествия я однажды ночью прогуливался по Бристо-стрит, немного на манер странствующего рыцаря, высматривая какую-нибудь прекрасную госпожу Добродетель, ради защиты которой от грубостей её неучтивых сыновей я мог бы сломать не копьё, а чью-нибудь голову. На тротуаре стояли две молоденькие девушки и разговаривали, покачивая чепчиками навстречу друг другу и поглядывая глазами, столь возмутительно исполненными каких-то чрезвычайно увлекательных сплетен, что я остановился.

— Что у вас тут, девицы мои?

— Славная ночь.

— Откуда вы будете? Из Эдинбурга, а?

— Нет, из Бонесса, — сказала одна из них.

— Из Бонесса! О, стало быть, вы наверняка слышали про школьного учителя, который ограбил мальчика?

— Ага, о нём-то мы как раз и толкуем, — сказала вторая.

— Вы его знаете? — спросил я с подобающим безразличием.

— Ещё как; он и меня прежде сек, и я бы не огорчилась, кабы его повесили на его собственном длинном ремне для порки, за то, как жестоко он со мной обходился столько дней.

— Что ж, пожалуй, я помогу вам отплатить ему, — сказал я; — услуга за услугу.

Тут одна из них вытянула голову так, что её лицо оказалось совсем возле моего уха, и сказала: «Тс-с!»

— Почему? Поблизости никого нет.

— Почём знать; он вон в том трактире, — сказала она, показывая пальцем.

— Подождите здесь, пока я вернусь, — сказал я и тотчас вошёл внутрь.

Я попал в комнату, где сидел мужчина, окинул его взглядом и, разумеется, увидел перед собой мистера _____. Я не стал разглядывать его подробно: так только возбудишь подозрение. Одного взгляда хватило, чтобы заметить «нос, несколько вздёрнутый»; «смирненное лицо», словно его обладатель так устал сечь мальчишек; «серые глаза», глубоко посаженные, столь явно говорившие о лисьей хитрости; «большую верхнюю губу», указывавшую на чувственность; «отсутствие бакенбардов» там, где им надлежало быть; и, более всего прочего, выражение глубокого благочестия, словно он был воспитан на пении псалмов.

— Довольно приятная ночка, — сказал я.

— Так себе, — угрюмо отозвался мой школьный учитель.

— Принесите мне бутылку имбирного пива, — внезапно крикнул я хозяину заведения.

Если кто-нибудь угадает, зачем я потребовал напиток, который терпеть не могу, да ещё в прохладную ночь, когда мне, быть может, не помешало бы что-нибудь согревающее под ледяным взглядом его преподобия, я отдам ему свой полицейский жезл. Попробуйте-ка угадать — всё равно не угадаете. Уверяю вас честным словом, я сделал это не для того, чтобы угостить девочку, которую он сек. Прошу хорошенько это запомнить, иначе вы могли бы назвать меня дураком за то, что я предлагаю загадку, в которой нет никакой загадки.

Мне принесли пиво, и я, подойдя к двери, ввёл в комнату высеченную Дженни.

— Выпей немного пива, девочка, — весело сказал я.

Но она не могла, потому что её глаза были прикованы к учителю — вероятно, при воспоминании о ремне для порки, — и всё её тело дрожало.

— Не бойся, — сказал я, — здесь нет ремня для порки, девочка.

Но она всё смотрела на него, а он — на неё, и они так и продолжали бы тарашиться друг на друга, пока вся пена на пиве не улетучилась бы без следа, если бы я не положил этому конец.

— Вы знаете этого человека? — спросил я девушку.

— Ага, это он, — ответила она, по-прежнему глядя на него, словно прежнее волшебство ремня для порки ещё отзывалось покалыванием где-то в её теле.

— Кто? — переспросил я.

— Мистер _____, школьный учитель из Бонесса.

— Что ж, назовите мне своё имя и адрес, — сказал я, доставая карандаш и приступая к важной записи в той моей ужасной красной книжечке. — Ну вот, красавица моя, — продолжал я, — ваше имя теперь известно учителю, который станет вас чернить; но не тревожьтесь. Теперь можете идти, только «всё же вспоминайте меня».

И она ушла, всё ещё дрожа и совершенно позабыв про своё пиво.

— Итак, имею удовольствие видеть перед собой мистера _____, бывшего школьного учителя из Бонесса?

— Это ложь, сэр.

— Во всяком случае, предположение — не преступление, так что давайте просто предположим.

— Я не намерен ничего подобного предполагать.

— Мне и не нужно, чтобы вы предполагали, — в этом нет необходимости. Нужно только, чтобы предполагал я, и, более того, я действительно предполагаю. А ещё я предполагаю, что у вас в кармане есть кое-что, что очень меня заинтересовало бы.

— Я почтенный человек...

— Я с этим не спорю.

— И я не вижу, какое право вы имеете расспрашивать о том, что я ношу при себе.

— Что ж, можете считать меня нахалом. Мне очень жаль, но мне часто приходится быть невежливым — ничего не поделаешь. Выкладывайте.

— Ничего вам это не даст, — угрюмо сказал он, шаря в кармане своих бриджей.

— Вот и все мои деньги, — сказал он, положив на стол несколько серебряных монет, — если вы грабитель, берите их.

— Случилось так, что я не принадлежу к этому братству: я ловлю грабителей.

Теперь я уже взял верх над почтенным учителем. Он сильно задрожал и, словно желая возместить этим свою слабость, нахмурил брови.

— Вы побледнели, добрый сэр, — сказал я, — а моё пиво кончилось, но я вижу, что у вас есть немного в кармане сюртука, — и указал на торчавшее оттуда горлышко бутылки, которое заметил ещё тогда, когда заказал свою, то ли из сочувствия, то ли ради шутки, ибо порою, когда дела в нашей профессии идут успешно, мы веселимся за счёт порока. Да и почему бы нет? Разве мы не люди? Разве у нас нет глаз, носов, сердец, способных чувствовать, и лёгких, чтобы смеяться, и всего остального?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он, глядя на меня так, словно его глубоко посаженные глаза выдвинулись на целый дюйм из своих тёмных впадин.

— Только то, что хочу дать вам глоток вашего любимого напитка, — сказал я, вытаскивая бутылку из его правого кармана. — Ага! А вот и ещё одна для меня, — добавил я, доставая другую из левого; — а вот третья — для госпожи Правосудия, — сказал я, вынимая последнюю из нагрудного кармана.

— Я беру пиво в этом заведении, — сказал он, — а потом возвращаю бутылки, чтобы получить ещё.

Тут, признаюсь, я несколько растерялся. Объяснение было и в самом деле правдоподобным, и на мгновение мне показалось, что моя шутка обернулась глупостью: каким бы свежим ни было заказанное мною пиво, острота моя оказалась несвежей.

— Ну вот, теперь вы видите, — сказал он, воспользовавшись моим затруднением, — к чему привела ваша наглость.

Но, как мне кажется, я уже говорил, что Порок подвержен слабостям. Развеселившись, он порхает, словно мотылёк, и бросается прямо на свечу; или кукарекает, как петух, который взобрался на вершину навозной кучи, а потом угодил в когти орла и никогда не был бы замечен своим могучим приятелем, если бы не его торжествующее «кукареку». Да, здесь его преподобие совершил ошибку; впрочем, вероятно, даже не соверши он её, я всё равно разоблачил бы его. И вот с совершенно невозмутимым видом он действительно поднял одну из бутылок и стал класть её себе в карман.

— Как! Разве вы не сказали, что принесли сюда эти пустые бутылки? — А что они пусты, — продолжал я, приподняв одну, — в этом не может быть сомнения; так зачем же снова класть их в карман, чтобы потом утруждать себя вторым извлечением?

— Это моё дело, — сказал он.

— А это моё, — сказал я, взяв в одну руку кочергу, а в другую бутылку и начисто отбив у неё горлышко с верхней частью, после чего показалась аккуратно свёрнутая пачка банкнот примерно на 50 фунтов.

На звон разбитой бутылки вошёл хозяин заведения.

— Как раз вовремя, — сказал я, схватив его за сюртук и подтянув поближе.

— Видите это? Возможно, вам придётся об этом свидетельствовать. Эта бутылка, которую я взял у этого господина, удивительнее той, о которой я читал в «Хромом бесе», ибо в ней находится вот эта пачка банкнот. Испытаем удачу ещё раз, — продолжал я и разбил вторую бутылку, а затем третью, причём в каждой обнаружилась такая же пачка банкнот, всего на сумму более 150 фунтов.

— Вы кладёте фунтовые банкноты в бутылки с имбирным пивом, когда закупориваете их для продажи?

Хозяин рассмеялся, даже несмотря на своё изумление. — Да чтоб мне чёрт, никогда такого не видывал! — сказал он; — что всё это значит? А, понимаю, вы фокусник.

— Именно.

— Хотел бы я, чтобы вы и с моими бутылками такое проделали. Клянусь честью, я бы скоро разбогател.

— Я проделываю это только для своих друзей, — ответил я, взглянув на его Учёное Преподобие; — но довольно шутить; вы видели то, что видели, и сможете рассказать о моём фокусе, когда вас вызовет служащий шерифа.

Хозяин начал понимать дело немного лучше.

— Понимаю, — сказал он.

— Ну, теперь можете идти.

— А теперь, сэр, — обратился я к своему пленнику, — будьте любезны пройти со мной в полицейское управление; о ваших бутылках я позабочусь.

— А что мне там делать? — спросил он, теперь едва способный говорить от страха.

— Отвечать по обвинению в ограблении мальчика в Борроустоннесе неделю назад.

Я принялся собирать свои разбитые бутылки; и, пока я этим занимался, услышал, как он вздыхает и тяжело дышит; затем послышались и слова, словно он забыл о моём присутствии. В нём происходила душевная борьба; совесть восстала и терзала его; он откинулся на спинку стула, вытянув ноги, и, шаркая ими по полу, всё бормотал что-то — я едва мог разобрать, однако удостоверился, что услышал эти странные слова, которых никогда не забывал и никогда не забуду:

— Боже милостивый! Ведь эту самую девочку я жестоко наказал без всякой её вины, потому что затаил злобу на её отца!

Так-так, подумал я; но чья рука привела меня сюда, чтобы я встретил эту девушку, и какая сила остановила меня, какая сила раскрыла мои уста? Молчание! Я всего лишь смиренное орудие для обнаружения тайных путей человеческого нечестия. Да, я часто испытывал это чувство, когда окружающие думали, будто я просто доволен своими собственными скромными усилиями. Возможно, они меня не знали, ибо подобные размышления не слишком подходят для полицейского управления; а кроме того, мне приходилось выдерживать взгляды высоких судей, которые, расточая мне комплименты, несомненно, смотрели на меня как на жалкую машину, приводимую в движение ниточками любви к славе умного человека, тогда как сами они, действуя на основании моих открытий, столь мудры и столь почтенны. Но у каждого своё ремесло — у сапожника, поэта, судьи и, наконец — простите меня, — у выискивателя зла. Легко предъявлять «обвинение» на основании таких трудов, как мои, легко произносить слово «виновен», когда они дают доказательства, легко вешать человека как следствие этих трудов; и всё же ни у кого нет меньше оснований жаловаться, чем у меня самого.

— Я люблю кающихся, — сказал я, поворачиваясь к несчастному.

Ему не понравился этот комплимент; людям такого рода они никогда не нравятся.

— Не ваше дело; вы позволили себе дерзости в своих остротах.

Ах, им ничем не угодишь: если вы суровы, они говорят, что вы их попираете; если мягки, что упиваетесь своим превосходством; если шутливы, что вы жестоки и насмешливы.

— Предположим тогда, — сказал я, — что я приказываю вам как подозреваемому...

— Только подозреваемому.

— Как подозреваемому в ограблении бедного беспомощного мальчика, который едва вышел из-под вашей розги...

— Замолчите, человек; ваши слова проникают мне в душу.

— Которого самого могли заподозрить в присвоении этих денег и навсегда погубить, идти...

— Тише, тише!

— Отправиться к правосудию; это вас устроит?

— Верно, верно! — воскликнул он; — что может устроить того, кто прогневил Бога, а следовательно, и самого себя? Даже если бы вы говорили как ангел, я назвал бы вас дьяволом; и вы дьявол!

— Что ж, вы согласитесь, что хозяева мальчика, когда получают содержимое бутылок, будут не столь дурного мнения обо мне; вы знаете, что обещана награда.

— Но не мне, — всхлипнул он, уронив голову на грудь; — моя награда будет не здесь.

— Я не уверен, что она не может начаться здесь, притом так, что вы будете рады, что здесь она не заканчивается. Немного суровости пробуждает в человеке совесть, а когда та начинает взывать, вы знаете, что есть голос, который ей отвечает.

— Что ж, в конце концов вы не такой уж дурной человек, — сказал он и, поднимаясь, прибавил: — Теперь я спокойно пойду с вами, ибо, думаю, воля Божия пребывает во мне и, быть может, Он проведёт меня через скорбь к ликованию.

— Но как вам пришло в голову воспользоваться бутылками? — спросил я, меняя тему, ибо мне действительно было любопытно, хотя я видел всевозможные тайники, даже нежные подмышки женщин — да, и их рты, произносящие сладкие, ласковые слова, — но бутылка из-под имбирного пива была для меня новинкой.

— Потому, — ответил он, — что после первого рывка мне захотелось пить и, выпив в трактире имбирного пива, я посмотрел на стоявшую передо мной пустую бутылку и подумал, что она послужит хорошим тайником. Несомненно, дьявол вложил мне это в голову, поскольку знал, что в Эдинбурге есть человек, понимающий дьявольские уловки и способный меня разоблачить. Но почему, — спросил он после паузы, — вы потребовали имбирного пива, когда вошли? Эти слова пронзили мне самое сердце.

— Потому, — сказал я, — что дьявол соблазнил вас оставить горлышко торчать наружу. Я в то же мгновение заподозрил, что деньги находятся там.

— Поистине странно!

— И я так позабавился над самим собой, что заказал бутылку просто для того, чтобы в шутильной форме — ибо свои дела я веду с добрым юмором — дать вам понять, что знаю вашу хитрость.

Мы проговорили больше, чем я обыкновенно имею привычку говорить. Я отвёл его вместе с разбитыми бутылками и банкнотами в управление.

— Вот, — сказал я капитану, — господин из Бонесса, а вот деньги, за исключением пятидесяти фунтов, и вот бутылки, в которых они были спрятаны.

Всё это звучало загадочно; но когда капитан разобрался, он не знал, что и сказать, разрываясь между желанием рассмеяться и каким-то непонятным ему самому чувством, удерживавшим его от смеха.

— А! — сказал он наконец, — Маклеви, нам следовало бы устроить здесь кафедру, с которой мы, словно проповедники, могли бы учить людей, что у Бога есть много способов обнаружить злодеев.

Арестанта отправили в Линлитгоу вместе с банкнотами и разбитыми бутылками, а впоследствии приговорили к четырнадцати годам. Судья щедро похвалил меня; не так поступили назначившие награду, ибо они не дали мне ни пенни. Двадцать пять фунтов достались девуш-

кам. Я не пожалел об этом подарке; и всё же, хотя я не питаю любви к деньгам сверх того, что необходимо для моих скромных потребностей, мне почему-то кажется, что я заслуживал пятифунтовой банкноты, чтобы промочить горло имбирным пивом, пока шёл по следу дьявола.

СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА

Не воображайте, будто я собираюсь говорить о той «счастливой стране», о которой так хорошо поёт Ричард Уивер в гимне с его радостным «всё дальше и дальше», туда, где, хочется надеяться, у многих из нас есть матери, сёстры и братья. И жители Эдинбурга, конечно, не остаются в неведении относительно смысла названия моего нынешнего воспоминания. Однако многие, возможно, не знают той «Счастливой страны», о которой я говорю, — не чего иного, как большого многоквартирного дома в Лейт-Уайнд, неподалёку от его верхнего конца, состоящего из множества жилищ, к которым ведёт длинная каменная лестница, — ступени её за долгое время истёрлись до неровностей от бесчисленных ног, маленьких и больших, лёгких и тяжёлых, твёрдых и нетвёрдых, поднимавшихся и спускавшихся по ней, — и разделённого на многочисленные логовища, населённые ворами, грабителями, напёрсточниками, карманниками, падшими женщинами, пьяными нищими и кое-где случайно прижитыми ребятишками, которые либо вопят от голода, либо по несколько дней лежат мёртвыми, хотя их давно следовало похоронить. Я прекрасно знаю каждую дыру и каждый угол этого дома, и настолько хорошо, что отступаю перед попыткой описать его, ибо в лучшем случае описание оказалось бы лишь скопищем пятен — не картиной, а грубой тканью и тусклой краской. Кое-кто, возможно, имеет представление о «притоне»; но Счастливая страна представляет собой огромное скопление притонов, так что сцены, поступки, ругань, драки, пьяные скандалы, разврат, богохульства, жестокости и грабежи, которые вы представляете себе происходящими в разных, отдалённых друг от друга домах, здесь нередко совершаются все одновременно, причём бесстыдство скрыто не более чем тонкими перегородками из реек да расшатанными дверями, а зачастую вообще ничем не отделено. И всё же все люди, населяющие это скопление логовищ, понимают друг друга. Это особый мир, в котором нет закона, кроме силы, нет угрызений совести, кроме страха, и нет религии, кроме дьявольской. Они смеются над всем прекрасным и добрым и переносят естественные чувства, подобающие всему этому, на зло; и притом во всём этом нет ни малейшего усилия — для них это совершенно естественно. И я не уверен, что они не считают внешний мир, там, в Новом городе, весьма пресным заведением, ради которого не стоит жить.

На третьем этаже огромного дома, если войти и повернуть направо, находился уголок этого маленького мира, занимаемый молодой, крепкой, белокурой девицей по имени Мэри Вуд, лет двадцати от роду. Её хорошо знали не только в самой Счастливой стране, но и на Принсес-стрит, где она нередко прогуливалась под своей модной шляпкой столь же скромно на вид, как любая из барышень, живущих в домах Нового города. Её владения были весьма невелики и состояли всего лишь из маленькой комнаты, где стояли кровать, стол, один или два стула, разумеется, зеркало и сундук для нарядов, не говоря уже о «красном блюде». Непосредственно возле этой комнаты находилась каморка, совершенно лишённая света, если не считать одного или двух отверстий, просверленных буравом для того, чтобы тот, кто там расположится, мог удовлетворять своё любопытство, наблюдая за происходящим в комнате. Эти два помещения составляли замок нашей обольстительницы и место осуществления замысла, вовсе не редкого в те времена, составленного Мэри и двумя здоровенными негодяями по имени Джордж Ренни и Джеймс Стивенсон. Заговор был не столько сложным, сколько дерзким, подлым и жестоким. Мэри предстояло выходить на улицу в самом соблазнительном наряде и стараться заманить к себе какого-нибудь джентльмена, у которого, вероятно, имелись золотые часы и деньги; а когда ей удастся это сделать, двое молодчиков, как их называли, которые по условленному сигналу о её приближении заранее забирались в каморку, должны были, сочтя момент подходящим, выскочить, схватить жертву и ограбить её.

У меня были основания подозревать, что этот заговор уже некоторое время осуществлялся с немалым успехом, причём потерпевшие не обращались к нам, поскольку многие из них стремились скрыть свою неосмотрительность и предпочитали лишиться часов, нежели запятнать своё доброе имя. Однажды ночью, 9 августа 1849 года, наша девица испытывала счастье на Принсес-стрит, пока Ренни и Стивенсон ожидали, готовые взяться за работу, когда придёт время. Около полуночи ей удалось очаровать подходящего «простака», или «колли», как говорят шотландские женщины, вкладывая в это слово, возможно, больше юмора, чем сами сознают, — джентльмена по фамилии У—н, приехавшего из Лондона, который, не подозревая о характере той «счастливой страны», куда ему предстояло попасть, согласился проводить её домой.

Вскоре она уже надёжно завладела им. Будучи мастерицей своего дела, она осыпала счастливого англичанина ласками и любезностями, и тот, даже если принять во внимание убожество её жилища, едва ли сумел бы найти женщину, более способную доставить ему удовольствие; но едва он приготовился уйти, как господа из тёмной каморки бросились на него, повалили на спину, отобрали золотые часы с цепочкой, пятнадцать соверенов и всё, что смогли обшарить; но самым недобрым ударом оказалось то, что сама обольстительница Мэри помогала им грабить его, снимая с его пальцев два дорогих кольца, которыми незадолго перед тем так восхищалась в разговоре с ним. Впоследствии я выяснил, что борьба была отчаянной, несомненно потому, что ценность имущества распаляла одну сторону и придавала силы другой.

Когда господина У—на отпустили, он, сильно пострадавший и чрезвычайно напуганный, бросился вниз по лестнице, едва не свернув себе шею, и направился прямо в полицейское управление, где поспешно рассказал о происшедшем и описал его участников. Это дело предназначалось мне, и около часа ночи меня разбудили, чтобы я поймал этих грабителей. Помню, что в тот день я очень устал и после долгих часов работы вовсе не был расположен к полуночной охоте. Тем не менее я оделся в одно мгновение. Сначала я отправился повидать этого джентльмена, который, казалось, намеревался потратить ещё немало времени на описание. Я сказал ему, что в этом нет надобности, поскольку прекрасно знаю обоих мужчин. В самом деле, я видел их вместе с Мэри, хорошо мне знакомой, и знал, что они составляли её особую свиту. Трудность заключалась в том, чтобы выяснить, где их искать, и вернуть деньги, но я был достаточно уверен в себе, чтобы пообещать господину У—ну: если он немного подождёт в управлении, я приведу к нему грабителей. Что же касается Мэри, её задержали приблизительно тогда же, когда вызвали меня, однако денег при ней не оказалось — всё унесли грабители.

Задача моя была довольно трудной, ибо, хотя я и знал их пристанища, таких мест было немало, и именно их они, вероятно, постарались бы избегать. Я безуспешно проверил многие из них и уже начал раскаиваться в обещании, данном господину У—ну, когда вспомнил о ночлежном доме в Уэст-Порте, который содержал человек по фамилии Гудолл. Туда я и отправился. Было уже около четырёх утра, и, когда я постучал, из-за двери мне ответил Гудолл.

— Не приходили ли к вам сегодня утром двое мужчин переночевать? — спросил я.

— Да, — ответил он, открывая дверь, вероятно, узнав мой голос.

— Что ж, думаю, это как раз те, кто мне нужен.

— Но вы явились слишком рано, — сказал Гудолл с каким-то смешком.

— Почему?

— Потому что сейчас только четыре, а они велели не будить их до пяти.

— Очень жаль, — сказал я, — но они вас извинят, а что до меня, так они подняли меня в час ночи, поэтому теперь мы с ними квиты. Покажите мне их комнату.

Тогда я сделал знак полицейскому, который пришёл со мной; и вслед за Гудоллом мы подошли к кровати, где лежали именно те люди, кого мы разыскивали. Я поднял свечу Гудолла над их лицами и увидел, какое действие произвёл на них мой вид, — не потому, что по их

удивлению и ужасу заключил об их виновности в этом преступлении, ибо знал, что внушаю им страх во всякое время, а потому, что мне нравилось наслаждаться своим преимуществом.

— Вставайте, — сказал я, — и ступайте со мной, — настолько уверенный в том, что нашёл нужных людей, что даже не стал ни о чём их спрашивать.

Тут Гудолл снова вмешался со своим юмором —

— Видите, ребята, меня вам винить не за что. Сейчас только четыре, но господин Маклеви говорит, что это из-за вас его разбудили в час.

Эти люди, всего четыре часа назад душившие ни в чём не повинного джентльмена, теперь были немые и покорны; более того, они проявили простодушие, ибо Ренни, выбираясь из постели, проговорился:

— Во всяком случае, ни часов, ни соверенов вы при мне не найдёте.

Стивенсон метнул на приятеля убийственный взгляд.

— Ну что вы, дружище, — сказал я, — Ренни всего лишь сделал то, к чему я заставлял других приходиться простым молчанием; да и вам своей ошибкой он ничуть не повредил, поскольку я могу доказать, что четыре часа назад вы с Мэри Вуд ограбили джентльмена в Счастливой стране.

— Будь проклята Счастливая страна! — воскликнул Стивенсон, всё ещё сердясь на приятеля. — Я никогда не находил в ней ни счастья, ни денег.

— Будь проклята Счастливая страна! — повторил Гудолл, снова желая блеснуть остроумием. — Господи помилуй! Какое страшное проклятие в адрес места, куда все мы изо всех сил стараемся попасть. Даже дети поют: «Приди в ту счастливую страну», а вы её проклинаете.

Я едва удержался от смеха, несмотря на своё нетерпение, слушая, как содержатель этого известного пристанища всяческих нравственных страдальцев весёлыми речами укоряет своих чад, столь многие из которых являлись из той самой Счастливой страны. Разумеется, у него были причины благословлять её, и он делал это в своей обычной шутиливой манере — такова была его привычка.

— Поскорее, — сказал я, видя, как медленно они одеваются. — Господин У—н вас дожидается.

Это был для них самый тяжёлый удар, ибо подобные люди — большие нравственные трусы; и перспектива предстать перед джентльменом, с которым они столь жестоко обошлись, означала такой полный переворот за столь короткое время, что мои слова ошеломили их.

Через четверть часа они уже стояли перед господином У—ном.

— Это те самые люди? — спросил я.

— Ах, я слишком хорошо их знаю, — сказал джентльмен. — И как бы мне хотелось никогда их не видеть, ведь я здесь чужой, все мои деньги пропали, и я не знаю, что мне делать.

— У нас нет ваших денег, — угрюмо ответил Стивенсон.

Несомненно, они были где-нибудь спрятаны. Я забыл сказать, что ещё у Гудолла обыскал обоих.

— Значит, они пропали? — уныло спросил господин У—н.

— Нет, — сказал я, — не все. Деньги вернуть, пожалуй, будет нелегко, но часы я достану.

— Что ж, буду жить надеждой, — сказал господин У—н и ушёл, оставив свой адрес.

Обоих теперь заперли, и следующий вопрос для меня заключался в том, как вернуть похищенное.

На другой день и в последующие дни были предприняты всевозможные усилия. Ни один из предметов не был заложен или продан перекупщикам, и я оказался в тупике; однако мне удавалось добиться успеха во стольких делах, казавшихся безнадежными, что я продолжал поиски. В качестве последнего средства я на некоторое время поместил к арестантам молодого человека, о котором знал, что он близок с ними. Все воры и грабители в беде «раскалываются»; склонность поверять тайны — слабость преступных натур; и всё же я, возможно, не добился

бы этих сведений, если бы тот молодой человек не ожидал от меня снисхождения. Он рассказал мне, что оба мужчины, совершив ограбление, помчались по Сент-Мэри-Уайнд и не останавливались, пока не добрались до Дамбидайкса; там они сложили часы, соверены и кольца в отверстие старой каменной ограды, оставив тайный знак, известный только им самим.

Теперь я оказался в таком же тупике, как и прежде. Мужчины оставались непреклонны, и только они знали тайну. Всё же я решил обследовать старую ограду; и когда я, вглядываясь в щели между камнями, был поглощён своим занятием, кто бы, вы думали, подошёл ко мне, как не один из зрителей парка?

— Кажется, — сказал он, — я знаю, что вы ищете. Вы господин Маклеви?

— Да, — сказал я. — Я разыскиваю украденные часы и соверены; не можете ли вы показать мне это место?

— Я могу, по крайней мере, помочь вам с часами, — ответил он, протягивая блестящий предмет с золотой цепочкой и печатками. — Я нашёл их здесь, — продолжал он, пройдя несколько шагов вдоль ограды. — Должно быть, ночной дождь смыл землю с верхней части ограды, потому что я обнаружил их почти открытыми в углублении, недостаточно глубоко, чтобы ускользнуть от внимания.

Таким образом, часы удалось вернуть, но больше ничего. Соверены так никогда и не нашли, и, вероятно, они до сих пор лежат в той ограде, хотя всех троих арестантов вскоре после того приговорили к семи годам ссылки.

НАРУЧНИКИ

В 1836 году, во времена господина Стюарта, в управление поступило сообщение из тихого городка Пиблса, настолько тихого, что лорд Кокберн в одной из своих книг говорит: «Если вам нужно где-нибудь огласить публичное объявление так, чтобы его никто не услышал, отправляйтесь в Пиблс, и оно будет погребено там навеки», — о том, что в среду ночью был ограблен дом одного местного джентльмена и похищен ряд вещей, среди которых были новое пальто и пара сапог-веллингтонов. Как бы глух ни был Пиблс к публичным объявлениям, уж во всяком случае его нельзя обвинить — по крайней мере, тамошние высшие власти — в нечувствительности к нарушениям закона, ибо мы получили превосходное донесение, охватывавшее все подробности, похищенные предметы и описание человека, некогда служившего в этом семействе, которого подозревали во взломе и краже. Не хватало только одного — ни малейшего указания, в какую сторону направился взломщик, на восток ли, запад, север или юг; было известно лишь, что он куда-то исчез.

Дело поручили мне, но у меня не было того неопровержимого условия надежды — уверенности или хотя бы вероятного предположения, что он находится в Эдинбурге. Однако я перенёс образ этого молодца перед свой мысленный взор посредством той внутренней фотографии, к которой у меня есть известная склонность. Никогда не знал я, откуда берётся свет, но раз уж изображение появилось, для его закрепления не нужно никакой «желчи» гнева, скорее — лишь мёд любви. Итак, я поместил его на этой внутренней пластинке, во весь рост и словно живого: шесть футов два дюйма ростом — смуглый цвет лица — бакенбарды в форме бараньих ножек — свисающий нос, словно слишком тяжёлый, чтобы лоб мог его удержать, — маленький рот под ним, жестоко угнетённый этим самым носом и словно боявшийся открыться под столь грозной ношей, — некоторая косоглазость под кустистыми бровями. Что до одежды, тут была неизвестность, разве что утром он переоделся и надел новое пальто и сапоги, что, ради законченности картины, я и предположил; таким образом, образ моего человека надёжно хранился у меня в памяти. Но где же находился оригинал? Я всегда испытывал тягу к этим сопоставлениям, сколь бы отталкивающими они ни были, мысленного изображения, начертанного солнцем, с настоящим ходячим и дышащим существом из плоти и крови, как бы низко и глубоко оно ни пало; но это желание остаётся бесплодным без одной из двух сторон сравнения.

Два дня прошли без результата, и наступил субботний вечер. Изображение уже сорок восемь часов было у меня в полном порядке, но где же был волшебный фонарь? Даже он показал бы мне честного человека в темноте, когда его, хотя он и рядом, труднее увидеть, чем в полдень, как в том давнем деле; да и теперь, подозреваю, таких людей у нас не больше, чем тогда. Мне нужна была моя «идея», и дело заключалось не столько во времени; мог пройти ещё один день, нисколько не уменьшив моих шансов на успех. Я собирался ждать своей «идеи», как, говорят мне, поступают поэты, которые не считают себя обязанными трудиться, пока не убедятся, что она у них есть, хотя некоторые уверяют, что многие пробуют обойтись без неё. Пусть уж они, а не я, ибо без своей идеи я ещё ничего хорошего не сделал. Она могла явиться случайно. Верно, чего только я в своей скромной деятельности не достигал благодаря случаю! Да, но Случай никогда не улыбался мне, если я сам каким-нибудь образом его не подтолкну (а может быть, её — ведь Случай женского рода?); так что моя «мысль» в конце концов оказывалась плодом моего собственного труда, лишь доведённого до совершенства высшей рукой.

В таком нерешительном, туповатом расположении духа я вышел из управления, намереваясь отправиться домой; и вплоть до переулка Тоддрикс-Уайнд у меня не было ни малейшего намерения тормозить мою любимую богиню; но как раз в ту минуту, когда я проходил мимо входа в переулок, обнаружилось, что правая моя нога тянется на юг, и одна нога увлекла за собой другую, а обе вместе — мою голову, которая от сонливости, овладевшей мной, каза-

лось, совершенно не участвовала в перемене прямого пути домой, к постели, на этот переулок. Боюсь, привычка была отчасти повинна в этом своеволии моих нижних конечностей. В переулке жила некая госпожа Тейлор, знаменитая содержательница ночлежного дома наполовину приличного сорта — своего рода заводи, из которой я выуживал немало копчёных сельдей, а также свежепришедших, полных икры рыб, пользуясь единственной приманкой в виде тусклой мушки «мартовская подёнка» либо скромной «майской пчелы», да ещё лениво плывущей леской, без всякого подёргивания и взмахов. Да, я бывал там так часто, что, можно сказать, приобрёл привычку наведываться за тем утешением, без которого, думаю, не смог бы жить в этом мире мужского и женского нечестия.

Отворив дверь доброй женщины — доброй я её называю потому, что, хотя постояльцы её нередко были лишь наполовину приличны, сама она была вполне прилична, по крайней мере в моих глазах, — я вошёл с обычной непринуждённостью и уселся возле неё у огня. Я уже сказал, что нуждался в утешении, и потому принялся добывать его своим старым способом.

— Есть сейчас постояльцы?

— Ага, мужчина из деревни. Пришёл рано утром и позавтракал. Во всяком случае, на ночь он здесь останется.

— Как он выглядит? — спросил я.

— Сущая гора, прямо великан среди филистимлян! Вы и сами человек рослый и крепкий, да только, ей-богу, рядом с ним вы — ничто. Мужчина, думается мне, вполне хороший; но я бы вам не советовала связываться с ним, — то есть если бы он оказался из тех, кто вам нужен, — без двух помощников по крайней мере.

— Можете описать его лицо? — спросил я, в сущности не ожидая узнать ничего полезного.

— Право, нет, — отвечала добрая женщина, — уж давно я бросила разглядывать мужские лица, потому что и в лучшие свои годы не замечала в них ничего особенного, кроме носа среди зарослей волос да пары глаз, вечно пялящихся на нас, женщин; к тому же завтрак подавала ему моя племянница Дженни, а я почти его не видела; но, Господи спаси нас! Вот и он, — прибавила она, услышав в передней тяжёлые шаги.

И действительно, крупный постоялец вошёл с чрезвычайно уверенным видом, придвинул стул и сел. Я тотчас скользнул по нему взглядом, разумеется, без особенной пытливости, ибо, как я уже говорил, беглого взгляда мне обычно бывает довольно, — и передо мной оказались тот самый нос, казавшийся чрезмерно тяжёлым для лба, рот, придавленный тяжестью носа, бакенбарды в форме бараньих ножек и косоглазие, всё настолько в точности, что моё внутреннее, солнечным светом начертанное изображение словно подпрыгнуло во мне, стремясь выскочить к своему оригиналу и раствориться в плоти и крови. Этого было достаточно, чтобы оправдать мою скромность, простоту и привычку действовать без суеты; более того, я не уверен, что человек вообще заметил, посмотрел ли я на него, а о дальнейшем ходе нашего знакомства мне незачем было заботиться. У меня было другое дело: я поймал свою «идею», равно как и её оригинал; только первая была фантазией, а второй — настоящим «татаринном».

Между тем разговор зашёл о ремёслах и занятиях; как он начался, не могу сказать; но вдруг мне пришло в голову обратиться к моему человеку со словами: «Вы, должно быть, разносчик?»

— А вы разносчик? — ответил он довольно угрюмым тоном, словно обидевшись.

— Да, — сказал я.

— Так я и думал, — проворчал он, — ведь нам кажется, что все встречные должны быть такими же, как мы сами.

— И всё же мы не всегда обнаруживаем, что это так, — мягко возразил я. — Но я желал бы, чтобы всякому человеку жилось так же хорошо, как мне, ибо у меня на дорогах шесть работников и лошадь, которая почти не сходит с дороги.

— Лошадь, должно быть, для вас самого? — спросил он.

— Да; без моего Рори мне было бы никак не управиться; ведь, знаете ли, мне приходится присматривать за всеми шестерыми молодцами.

— А разве они не возвращаются, окончив обход? — снова спросил он.

— Да, если могут.

— Что же может им помешать?

— Проклятая выпивка, — сказал я с некоторой печалью. — Они забираются в придорожные трактиры и иногда валяются там целыми днями, а моё добро тем временем растаскивают.

— И что вы с ними делаете, когда находите их в таком состоянии? — спросил он. — Полагаю, вы их прогоняете и нанимаете людей потрезвее?

— Нет: поступай я так, пришлось бы менять работников каждую неделю, без всякой надежды найти лучших; ведь если они не пьют, то мошенничают, а честный разносчик-пьяница лучше трезвого разносчика-мошенника.

— Тогда вам остаётся только позволить им проспаться, — сказал он, — и надеяться, что трезвая поездка возместит пьяную?

— Нет! Я спешу на место и, застав молодца в ту пору, когда он начинает приходить в себя, надеваю на него наручники и привожу в город с коробом за спиной. Там я снимаю с него поклажу и в наказание оставляю без жалованья на столько времени, на сколько сочту нужным; а когда мне кажется, что он твёрдо решил исправиться, снова выдаю ему короб и возобновляю плату.

— И часто приходится прибегать к такому странному наказанию? — спросил он, когда любопытство его было возбуждено моим необычным способом.

— Да вот, — отвечал я, — не далее как в среду утром мне пришлось отправиться в Пиблс, где один из моих ребят лежал пьяный, — и, кажется, я повстречал вас, — тут я нанёс удар наудачу, — выходявшего из города с узлом, и именно потому-то предположил, что вы принадлежите к нашему ремеслу.

— Что ж, — сказал он, застигнутый врасплох, — я действительно вышел из Пиблса в среду утром с узлом, но я не разносчик.

— Не обижайтесь; это хорошее, честное занятие. Когда-то значительная часть сельской торговли Шотландии велась разносчиками, и иной коробейник владел состоянием в тысячи фунтов.

— Может быть, — сказал мой великан, — но будь я одним из ваших работников, я должен был бы быть очень пьян, чтобы вам удалось заковать меня в наручники.

— Возможно, я и не стал бы пробовать справиться с человеком вашего роста и силы, — сказал я, — разве что он был бы очень пьян.

— И какой тогда толк? — возразил он. — Опьянение само по себе очень хорошие наручники, хотя я никогда не видел этого приспособления, о котором так много слышал, да и не хотел бы заслужить его. Но, послушайте, — продолжал он после паузы, во время которой, быть может, подумал, что как раз заслуживает применения этой меры, и, возможно, немного содрогнулся при мысли испытать её на себе, — что же такое наручники, как они выглядят? Разве сильный человек не может разорвать их, а потом показать полицейскому кукиш?

— Самая простая вещь, — сказал я, вынимая превосходный экземпляр, который берегу как своё профессиональное орудие, быть может, с не меньшей любовью, чем Симпсон — свой кусок пеньковой верёвки, хотя по части почтенности я не желаю, чтобы эти две вещи сравнивали. — Вот мои путы для запястий непокорных разносчиков.

Я даже дал ему подержать эту штуку в руках.

— Вещица и вправду простая, — сказал он с усмешкой, — но будь я проклят, если она меня удержит, разве только её надевают каким-то хитрым способом.

— А я ещё ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из моих работников порвал их или освободился.

— Как же вы их надеваете? — спросил он, любопытно разглядывая приспособление.

— А вот так.

И, надеюсь, со свойственной мне всегда доброжелательностью, я продел его правую кисть в петлю.

— И как же это может связать человека? — снова усмехнулся он.

— Ещё не всё, мой милый друг. Другой конец я пристёгиваю к своей левой руке — вот так, и дело сделано.

— Что ж, довольно неудобно, признаю, — сказал он, уже не совсем уверенный в себе, — и я бы предпочёл освободиться.

— Но вы ещё не испытали их, — продолжал я. — Иногда человеку не везёт, и, пока мы ещё невинны и свободны, нам, знаете ли, не повредит приготовиться к возможным превратностям будущего. Представьте только, что я не разносчик, а один из тех весьма неприятных людей, которых называют сыскными полицейскими, и что мне вздумалось отвести вас к Кресту. Посмотрим: ну-ка, идёмте; спокойно, мой добрый друг, сюда, — я повёл его к выходу, — вот так, сюда, вот так, — пока не довёл его до наружной двери, выходившей в переулок. — Вот видите, как вы смирны! Вы не сопротивляетесь. Почему же? Ну, — пройдя немного вверх по переулку, — вы говорили, что можете порвать наручники или освободиться, а после щёлкнуть пальцами, но разве не видите?

Всё это время мой человек ещё думал, что мы играем, но не могу сказать, заподозрил ли он что-нибудь или просто захотел испытать эту забаву; так или иначе, он принялся вырываться уже всерьёз, однако ничего не вышло. Я крепко держал его за правую руку, а всякий раз, когда он пускал в дело левую, без труда умирал её своей правой.

— Довольно, — сказал он наконец.

— Пока ещё нет, — сказал я с невозмутимой мягкостью. — Я хочу посмотреть, сумею ли довести вас до самого полицейского управления.

— До полицейского управления! — взревел он страшным рыком. — К чёрту полицейское управление! Зачем туда?

— Чтобы вас обыскали и допросили, — ответил я, по-прежнему не теряя хладнокровия, — а быть может, и заключили под стражу за то, что в среду ночью вы взломали дом своего прежнего хозяина в Пиблсе и украли, среди прочего, пальто, которое сейчас на вас, а также, полагаю, сапоги, что сейчас на ваших ногах.

Я почувствовал, как его правая рука бессильно повисла, словно парализованная. При свете фонаря у входа в переулок я видел, что он побледнел как трубочная глина. В этом огромном человеке не осталось столько силы, сколько нужно, чтобы разорвать просмолённый конец доброй пеньковой верёвки, и он не произнёс ни единого слова. Я слышал только его тяжёлое дыхание, когда он с усилием раздувал могучую грудную клетку, словно стараясь дать простор биению сердца. Теперь я был защищён от попытки бегства, ибо мы добрались до верхнего конца переулка, где дежуривший на улице полицейский тотчас подошёл мне на помощь. Но почему-то мною овладел бес гордости. Мне страстно захотелось довести его одному, и, хотя появление полицейского, несомненно, могло способствовать продолжению моей ставшей уже лёгкой победы, я искренне верил, что пленник всё ещё неспособен оказать какое-либо сопротивление, — так часто действует уничтожение уверенности и мужества сознающего свою вину преступника спокойным объявлением обвинения в сочетании с простым кожаным ремешком.

Так я привёл его в комнату лейтенанта, где как раз находился капитан Стюарт, и здесь впервые он обрёл дар речи.

— Меня привёл сюда разносчик. Я не один из его коробейников и ничуть не пьянее его самого, — закричал он, ибо в уме его зародилась слабая надежда, на мгновение заслонившая от него собственную участь.

— Ба, Маклеви, да вы поймали нашего пиблсского приятеля, — сказал капитан со смехом, хотя его озадачило и моё новое ремесло коробейника, — и рост, и нос, и всё остальное — точь-в-точь как живой. Где, во имя всего удивительного, вы его нашли?

— Что ещё удивительнее, — сказал лейтенант, — где же ваш помощник? Не могли же вы в одиночку надеть наручники на такого великана?

— Как бы то ни было, он в наручниках, — сказал я; — позовите кого-нибудь из наших, мне нужно, чтобы меня сменили.

Через несколько минут его поместили в ещё более надёжное место — заперли на ночь.

Не думайте, умоляю вас, что мы, люди, посещающие эту переднюю или прихожую судейской палаты, столь злонравны и мрачны, что никогда не позволяем себе роскоши слегка и тихонько повеселиться. Благослови вас всех Господь, за исключением, разумеется, тех, кто не желает добровольно явиться к нам, — мы по-своему вполне человечны, и в нашем братстве нет ни гиенного смеха, ни крокодиловых слёз. Мы даже можем получать удовольствие от таких несчастий, как посрамление тех, кто старается изгнать радость из многих семейных райских уголков; и можем, не нанося ущерба своим сердцам, веселиться над горем, когда это горе следует за Божьим повелением, обращённым против нарушителей людского покоя. Ведь так лишь восстанавливается равновесие: как торжествуют наши враги, с которыми мы, однако, обращаемся как с друзьями, одерживая свои полуночные победы, обкрадывая, грабя и убивая ближних, которые не только никогда их не обижали, но зачастую делали им добро, хотя, увы, и неразумно. Поэтому мне незачем извиняться за те полчаса, которые мы провели от всей души веселясь, пока я объяснял поимку своего человека — одного из шести моих коробейников; но всё же лишь доверие, которое питало ко мне начальство, не позволило ему усомниться не только в том, каким способом мне удалось продеть запястье этого поистине громадного вора в ремешок, но и в моей способности доставить столь великого гиганта совершенно смирно из Тоддрикс-Уайнд к Эдинбургскому Кресту. По крайней мере, я получил утешение, даже от вдовы Тейлор, в доме которой искал утешения после двухдневной неудачи, и отправился домой спать без малейших угрызений совести.

На другой день моего коробейника вместе с его коробом, вещи из которого были собраны у нескольких перекупщиков, отправили в Пиблс, где шериф и присяжные назначили ему девять месяцев заключения, чтобы укрепить его в решении, которое он, несомненно, принял, признав себя виновным: впредь не примерять наручников даже по просьбе разносчика.

КРАСНЫЕ ЛЕНТЫ

Однажды, также во времена капитана Стюарта, под конец дня в главное полицейское управление явился один джентльмен. Там находилось несколько сыскных полицейских, готовых к любому непредвиденному случаю. Посетитель был сильно взволнован — даже сильнее, чем следовало бы ожидать по главной причине его обращения, но не сильнее, чем можно было ожидать ввиду сопутствовавших ему обстоятельств. Он сообщил, что утром того же дня они с женой оставили своё жилище на Хэддингтон-плейс (квартиру) и отправились за город, где намеревались пробыть некоторое время. Детей и заботы о доме они вверили добросердечию и надёжности служанки, молодой девушки, которой безгранично доверяли за её кротость, религиозность и вообще примерное поведение. По какой-то причине, которую он, кажется, не назвал, он сам вернулся после полудня и, к своему ужасу, обнаружил дверь запертой, а ключа нигде не было видно. Он постучал, но услышал лишь плач и причитания своих детей, ещё совсем маленьких, причём одного из них только недавно отняли от груди. Даже при столь красноречивых признаках того, что случилось нечто неладное, он поначалу и ещё некоторое время не мог заподозрить добрую Хелен в дурном поступке, но, подождав дольше, услышал, как один из малышей рыдает за дверью и кричит, что Нелли давно ушла, а им нечего есть. Теперь он убедился, что дело обстоит очень дурно, и, поспешив за кузнецом, велел вскрыть замок и отворить дверь.

Войдя внутрь, он увидел необычайную картину. Ребёнок, которого недавно отняли от груди, лежал в колыбели и так наплакался, что почти ослеп: глаза у него распухли, а лицо было мокрым от слёз. Другой лежал на полу в совершенном ужасе; третий сидел, с тоской глядя в окно, которого не мог открыть и в которое он часами стучал, вызывая к прохожим, но никто ему не ответил; ещё двое бегали туда-сюда, сами не зная зачем, лишь повинувшись порыву, не позволявшему им оставаться на месте. Но ещё удивительнее было то, что от сильного голода они раздобыли буханку хлеба, несомненно собираясь жадно её съесть, и всё же буханка лежала нетронутой, словно страх пересилил желание есть, так что, хотя желудок требовал пищи, мышцы рта не повиновались даже этому первейшему инстинкту. Однако он увидел ещё не всё. Продолжив осмотр под влиянием подозрений, возбуждённых всхлипываниями и жалобными словами несчастных малышей, он обнаружил, что бюро, в котором хранил деньги, взломали кочергой и извлекли оттуда шестнадцать фунтов. Теперь ему стало слишком хорошо понятно всё случившееся, и, попросив соседку присмотреть за детьми и дать им что-нибудь поесть, он поспешил в управление. Капитан Стюарт, выслушав странный рассказ, стал расспрашивать джентльмена обычным порядком.

— Как выглядит девушка?

— Довольно миловидная, лет девятнадцати, тёмные глаза, орлиный нос, маленький рот и родинка на левой щеке.

— Как она была одета?

Вопрос потруднее — скорее уж подходящий для жены этого джентльмена. Он едва мог на него ответить.

— Тут вы меня поставили в тупик, — отвечал он, — но мне кажется, что на её белой соломенной шляпке красные ленты. Больше я ничего не могу сказать; и если бы миссис Б—— накануне не заметила мне, что Нелли чересчур щеголяет головным убором (а следовательно, вероятно, сочла её легкомысленной) с этими своими кричаще-красными лентами, я не сумел бы указать даже этой подробности, настолько мало я обращаю внимания на подобные вещи.

Капитан Стюарт сделал заметку, и несколько полицейских разослали в разные стороны, а я некоторое время сидел в раздумье. «Все эти приметы довольно хороши, — подумал я, — но девушка могла уже выбраться из города». Подойдя к джентльмену, я прошептал (потому что

хотел получить ответ для себя одного, — не то чтобы я не доверял сметке капитана Стюарта, но иногда мне казалось удобнее действовать по-своему и докладывать потом):

— Она уроженка Эдинбурга?

— Нет, — ответил он таким же тихим голосом, вероятно просто из сочувствия моему тону.

— Тогда откуда она родом? — был мой следующий вопрос.

— Из Глазго.

— Возможно, вы увидите меня утром, — сказал я капитану, который доверял мне и перед которым я не хотел раскрывать своих намерений, каковы бы они ни были, в присутствии стоявших рядом.

— Очень хорошо, — воскликнул он. — Надеюсь только, что вы поймаете эту родинку.

— Мне случалось прежде ловить и крота, забравшегося куда глубже, — сказал я, собираясь уходить.

Но мне требовался ответ ещё на один вопрос.

— Есть ли у вас какие-нибудь основания, — спросил я далее, — полагать, что девушка подозревает: вам известно, где живут её знакомые в Глазго?

— Нет, — ответил джентльмен, — потому что я сам этого никогда не знал, да и жена моя тоже.

— Какого банка были банкноты?

— «Бритиш Линен компани».

«Довольно»; и с мыслью в голове — мыслью, которую отыскать было нетрудно и которая сводилась лишь к тому, что большинство живых существ, будь то кроты, сборщики находок в речном иле или мужчины (а женщины тем более), когда за ними гонятся, обычно стремятся в свои старые норы и убежища. Я знал, что дневной дилижанс в Глазго должен отправиться примерно в этот час, и рассчитывал вполне поспеть к нему, но, добравшись до конторы, обнаружил, что он уехал всего несколькими минутами раньше. Я понимал, что пешком его не нагоню, и потому окликнул извозчика. Тем временем, пока экипаж подъезжал, из нескольких быстрых вопросов конторщику — были ли среди пассажиров молодые девушки, как они выглядели и тому подобное — я выяснил, что одна из них подходила под мои приметы, правда не родинкой, не тёмными глазами и не орлиным носом, а красными лентами.

— Насчёт красных лент на шляпке я не могу ошибаться, — сказал он, — только, кажется, их две: одна внутри, а другая снаружи.

— Кто-нибудь из девушек разменивал банкноту?

— Да, одна из них.

— Покажите мне её.

— «Бритиш Линен компани», — сказал конторщик, передавая её мне.

— Та, что разменивала, сидит внутри или снаружи? — спросил я.

— Снаружи.

— Отлично, — сказал я и, взбираясь в экипаж, прибавил: — А теперь, голубчик, вы должны во что бы то ни стало догнать дилижанс в Глазго, даже если загоните лошадь до полного изнеможения, сломаете себе шею, а мне — ключицу.

И человек этот, отлично знавший, кто я такой, тотчас пустил лошадь вскачь, да с такой бешеной скоростью, что едва не отвлёк меня от моих исследований — не чего иного, как разглядывания всех шляпок, какие я видел на Принсес-стрит; ибо на этот раз я превратился в исследователя модного света, по крайней мере красавиц из мира шляпок; словом, мне было любопытно узнать, какую долю среди сотни цветов составляет мой новый любимый цвет — красный; к тому же извозчик гнал так неистово, что на нас обращались все глаза на улице, причём те, что прятались под красными лентами, к счастью, не догадывались, что я из всех сил стараюсь подорвать славу их любимого цвета. Вскоре мы миновали Хей-Уэйтс и выехали

на большую дорогу в Корсторфин. Прошло совсем немного времени, прежде чем я увидел красный знак, гордо развевавшийся на крыше дилижанса, в точности как говорил конторщик; более того, мне даже показалось, что этот вымпел разжёл честолюбие извозчика, ибо он гнал всё сильнее и сильнее, пока наконец дилижанс не остановился, несомненно потому, что его кучер решил, будто получит запоздалого пассажира.

— Поторопитесь, — крикнул кучер дилижанса, когда я поравнялся с ним и стал выбираться из экипажа. — У нас есть место для одного, но времени на разговоры нет.

— Место для одного, — сказал я, взглянув вверх, на лицо кроткой Нелли, где была родинка и где в ту же минуту появилось кое-что ещё: сперва румянец такой же красный, как её ленты, а потом бледность такая же белая, как шляпка. — По-моему, у вас одним пассажиром слишком много.

— Нет, парламентский акт разрешает нам перевозить...

— Но не эту девушку с красными лентами, — сказал я, показывая свой полицейский жезл. — Спускайтесь, мисс Хелен Н——. (Я забыл сказать, что узнал её имя от хозяина.) — Я хочу прокатить вас обратно в город.

Однако она не пожелала спускаться и, по-видимому, собиралась сопротивляться до последнего; но пассажиры, видя, что по недостатку доброй воли она не может сойти сама, силой взяли её и передали мне вниз, за что я поблагодарил их, получив столь хорошенькую подопечную. Посадив её в экипаж, я затем снял её сундук и, поставив его рядом с ней, отвёз её прямо в управление. Капитан Стюарт, припомнив красные ленты и родинку и окинув взглядом её головной убор и лицо, улыбнулся вопреки своей обычной серьёзности. Вскоре мы обнаружили, что кроткая Нелли намерена оказаться перед нами такой же неверной истине, какой была неверной своему хозяину, ибо она решительно клялась не только в том, что не совершила ничего противозаконного, но даже в том, что она вовсе не Хелен Н——, несмотря на ленты, родинку, чёрные глаза и поистине красивый орлиный нос; так что действительно возникла необходимость доказать ей, к её собственному удовлетворению, кто она такая. Обыскав её, мы подумали, что найденная у неё точная сумма в 15 фунтов 14 шиллингов, которая вместе с шестью шиллингами, уплаченными за проезд, составляла 16 фунтов, должна была бы рассеять её сомнения относительно собственной личности; но даже этого оказалось недостаточно, и решительная Нелли могла бы до Страшного суда пребывать в полнейшем неведении относительно самой себя, если бы мистер Б—— не зашёл в управление и не убедил её в том, что она — это она. И она не только убедилась тогда в этом, но и получила достаточно оснований не впадать снова в подобное неведение; ибо за шесть месяцев, которые ей суждено было провести в тюрьме, она столь долго оставалась наедине с собой, лишь изредка встречая кого-нибудь, кто мог бы запутать её представления о том, кто она такая, что никак не могла бы уклониться от самой себя, даже если бы пожелала.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Это большое здание, получившее такое название благодаря шотландскому юмору — несколько мрачному в своём кощунстве, — и поныне обращено своим тёмным фасадом к Лейт-Уайнд, на одной линии со «Счастливой страной». Во времена, о которых я рассказываю, оно было населено главным образом многочисленными толпами распутных женщин, одни из которых ходили в лохмотьях, другие — в шелках, перемешанных в самом причудливом беспорядке. Как бы хорошо я ни знал все его тёмные помещения и закоулки, мне не под силу описать его так, чтобы читатели могли с удовлетворением проследить за моим рассказом. Средняя лестница вела, да и теперь ведёт, на несколько этажей, каждый из которых разделён на жилища, одни всего из одной комнаты, другие из двух или трёх, причём размеры жилища обычно определяли число его обитателей, ибо они были буквально набиты людьми. Почти все они служили одной цели — проституции, сопровождавшейся пьянством. Среди них встречались заведения, которые устраивались самым незатейливым способом и с капиталом, достаточным лишь для покупки нескольких старых кроватей, стульев и сосновых столов. Какая-нибудь измученная несчастная женщина, которой доводилось пережить отпущенный ей недолгий срок и не сделаться сборщицей золы, ухитрялась приобрести эти вещи, нередко при посредстве какого-нибудь мужчины, у которого имелось несколько свободных фунтов и который за это получал долю заработка, и таким образом «открывала дело». Вскоре комнаты, число которых редко превышало три, заполнялись юными отверженными, какими кишел Эдинбург и которые всегда искали себе пристанища, принося с собой весь свой товар, слишком часто состоявший лишь из жалких лохмотьев на теле. Иногда хозяйки вовсе не было и дело представляло собой товарищество трёх или четырёх таких молодых женщин, сообща покупавших немногие предметы мебели, причём каждая зарабатывала себе на жизнь и тратила заработанное по собственному усмотрению, а обычный их обиход сводился к хлебу с маслом, яйцам, чаю и виски.

Ни один из этих двух видов заведений, где хозяйка или участницы товарищества жили и напивались прямо на месте, не обходился без неперемennого громилы, или «сердечного дружка», — этого худшего образчика человеческого падения, всегда вора за пределами дома и нахлебника несчастных женщин внутри него, который то выступал жестоким ястребом, охотящимся на мелкую дичь, то превращался в «грязного Эндрю», кормящегося объедками, роняемыми пролетающими над ним чайками. Входя в такие места, я заставлял его развалившимся среди женщин, а он, словно устыдившись, крался в какой-нибудь тёмный угол, хмуро оглядываясь на меня своими опухшими глазами. Он прекрасно сознаёт всю глубину своего падения, но стыд оборачивается мстительностью против каждого, кто ещё способен держать голову высоко и оставаться мужчиной среди мужчин; и, что весьма странно, именно на таких негодяев эти женщины, нередко миловидные юные создания, расточают свою любовь, или, вернее, по моему опыту, едва ли найдётся где-нибудь несчастная женщина, даже в изысканных дворцах греха, откуда их редко выпускают, у которой не было бы своего тайного низкого «любимчика», тогда как весёлые молодые люди, ухаживающие за ней, воображают себя предметом её привязанности. Словом, где бы ни находились эти создания, там непременно появляются и стервятники.

Не то чтобы они всегда держали при себе этих прихлебателей ради грабежа, ибо мне довольно часто встречались случаи сговора двух, трёх или четырёх женщин, объединившихся для систематического обирания простаков, которых они заманивали в свои логовища. На втором этаже «Святой земли» мне довелось познакомиться с гнездом заговорщиц подобного рода, которые вели своё дело без помощи громилы. Звали их Джин Маллинс, Элизабет Томсон и Элиза Грэм, и главная особенность их замысла заключалась в том, что они должны были так действовать своей сетью с тремя мешками, чтобы, когда рыба окажется пойманной, все трое

участвовали в вытаскивании улова. Но как это устроить? Для этого требовались известная ловкость и ума, и тела. Окна их комнат выходили на улицу, и, когда одна приводила к себе «простачка», она подавала знак, вывешивая из окна белую тряпицу, чтобы две остальные могли войти и помочь. Если одной было удобнее действовать самостоятельно, две другие могли удалиться в соседнюю комнату; но когда требовалось напоить жертву, было выгоднее, чтобы все трое принялись за дело. Очевидно, что у них хватало силы и сноровки, чтобы употребить их для собственной защиты, ибо они знали, что есть мужчины, которые, придя в ярость от подобного обмана и ограбления, способны стать весьма опасными; однако они рассчитывали и на преимущество объединённых сил при нападении, когда отдельная жертва, хотя и пьяная, осталась настороженной и сопротивлялась.

Никто, увидев этих девушек, не усомнился бы в том, насколько они опасны, и вовсе не из-за одной лишь физической силы, ибо они были только гибкими и проворными. Их чрезвычайная молодость привлекала тех, кто мог поддаться их желаниям, а привлекательная наружность по крайней мере двух из них — Томсон и Грэм — обещала богатый улов. Однажды декабрьской ночью 1847 года, очень холодной, когда землю покрывал снег, Маллинс заманила в свои сети джентльмена из Манчестера по фамилии Х——лл, и добрый человек страстно желал перенестись на «Святую землю», хотя она отнюдь не намекала, что собирается вести его в место, чьё название внушило бы шотландцу подозрения, а англичанину, возможно, подсказало бы некоторую противоположность. Нет, она хотела отвести его лишь к себе на квартиру, целиком принадлежавшую ей, не в такой «дом», где громила может убить простака, а в тихое убежище, где поблизости нет никого, кроме доброй старушки, настолько благопристойной, что она умеет смотреть сквозь пальцы на приятные занятия, которыми сама некогда наслаждалась. Господин Х——лл поддался искушению и последовал за сиреной.

И в это святая святых она его и привела. Томсон и Грэм, едва услышав, что она входит, удалились в дальнюю комнату, оставив для встречи гостя ярко пылающий камин. Как же добра была старушка, приготовившая в такую холодную ночь этот огонь, чтобы согреть их озябшие тела и столь благоприятствовать любви! По прошествии некоторого времени Джин убедилась, что господин Х——лл пить не станет. Он был человеком воздержанным и отвергал все напитки, способные похитить рассудок, а потому ей пришлось действовать собственными силами. И, судя по тому, как он внезапно вскочил в ужасном смятении и закричал, она справилась с этим весьма успешно:

— Негодяйка, ты украла у меня пятидесятифунтовую банкноту Английского банка!

— Ты лжёшь, — закричала Маллинс, — ты потерял её где-нибудь в другом месте.

— Я это отрицаю, — возразил воздержанный джентльмен. — Я нашупал её у себя в кармане внизу лестницы, прежде чем поднялся к этой двери.

— Значит, ты, должно быть, потерял её на лестнице, — сказала она. — Мимо нас проходили две женщины, одну из которых ты дёрнул за платье.

— Да, но я могу поклясться, что это была не она, — снова воскликнул он.

— А какое мне дело до твоей клятвы? Вот и свидетельница, — закричала она, когда Элиза Грэм открыла дверь, выходя из внутренней комнаты.

— Элиза, — спросила Маллинс, — ты ведь недавно поднялась по наружной лестнице и вошла в свою комнату через коридор?

— Да, — последовал уверенный ответ.

— И разве ты не стояла у подножия лестницы, когда мы вошли?

— Да, — с прежней уверенностью ответила она.

— И разве ты не видела, как эта воровка Бесс Коллинс, что живёт этажом выше нас, спускалась по лестнице после того, как мы поднялись?

— Видела, — повторила мегера, — и, более того, она сама сказала мне, что поживилась пятидесятифунтовой банкнотой за счёт простачка Маллинс.

Джин так позабавила находчивость Грэм, что она разразилась насмешливым смехом, к которому присоединилась не только Элиза, но и Элизабет, тоже вбежавшая, чтобы поддержать игру.

Мужчина стоял как громом поражённый и некоторое время не мог произнести ни слова.

— Ну же, — сказала Маллинс, полагая, что он убедился, — угости меня рюмочкой за то, что так дурно со мной обошёлся, и мы помиримся.

— Да, — сказала Элиза, — и я помогу тебе поймать Коллинс. Уж я-то буду великолепной свидетельницей против этой воровки!

— Да, и поделом ей, — вмешалась Элизабет, — ведь именно она и подобные ей создают дурную славу всем нам, порядочным девушкам.

Но Х——лл оказался достаточно сообразителен, да и устройство дома могло подсказать это наблюдательному человеку: он бросился к внутренней комнате, желая проверить своё предположение, что из неё нет выхода в коридор, через который могла бы войти Элиза Грэм. Однако едва он сделал эту попытку, все трое вцепились в него.

— Зачем вам туда? — спросила Элизабет. — Это моя отдельная комната, и с какой стати вам хочется войти в спальню порядочной женщины?

— Не по-джентльменски, — сказала Элиза.

— Во всяком случае, не по-шотландски, — сказала Маллинс.

И они действительно пристыдили его настолько, что он отказался от своего намерения; но господин Х——лл ещё не сдался. Он вспомнил о полиции и бросился обратно к окну комнаты, где находился, намереваясь поднять оконную раму и закричать.

— Только попробуй, негодяй, мы выпшвырнем тебя наружу вслед за Коллинс, — закричала Маллинс.

И Х——лл испугался этих юных фурий, которые стояли, хватая и дёргая его, с дикими лицами и пылающими глазами, словно собирались разорвать его на куски.

Будь Х——лл человеком сильным, он по крайней мере прекратил бы эту рукопашную схватку, но, хотя он не отличался силой, у него всё же доставало той малой доли мужества, которая требовалась, чтобы противостоять трём молодым и даже стройным женщинам; поэтому он принялся отбиваться, надеясь их напугать, однако им и раньше приходилось придумывать способ умирения непокорной жертвы.

— Если ты не уговонишься, — сказала Маллинс, — мне стоит только трижды постучать в дверь, и явится один человек, который так тебя усмирит, что в этом мире тебе больше не понадобится покой.

— Громила? — воскликнул Х——лл.

— Возможно, — ответила Джин, — разве бедных незащищённых девушек не нужно защищать от лжецов, которые говорят, будто мы грабим, хотя мы ничего подобного не делаем?

Господину Х——ллу едва ли хватило бы духу встретиться с человеком подобного сорта, и он не сомневался, что такой негодяй находится поблизости. Словом, он почти совсем растерялся и затих от какого-то отчаяния.

— Лучше уйти отсюда живым, чем чтобы тебя отсюда вынесли мёртвым, — сказала Маллинс.

— И отправили вслед за Коллинс, — добавила со смехом Элизабет.

Что мог поделать бедный англичанин перед такой ловкостью, дерзостью и угрозами жестокости? Они совершенно одолели его, и ему, казалось, оставался только один выход. Он уже несколько не сомневался, каким образом его банкнота перешла в чужие руки, и знал, что эдинбургская полиция находится под хорошим руководством; поэтому он сохранил достаточно присутствия духа, чтобы сделать вид, будто принял версию о Коллинс. Теперь он собирался отплатить им их же шотландской монетой.

— А где я могу найти эту женщину Коллинс? — спросил он.

— О, Коллинс знают все, — сказала Маллинс, с трудом сдерживая удовлетворение от мысли, что удастся избавиться от полиции, которой они боялись больше всего, — она ходит по Принсес-стрит, от Регистрационной конторы до конца Ганновер-стрит.

— А как она одета? — вновь спросил он, но лишь ради своей уловки.

— Шляпка с зелёными лентами.

— А как она выглядит?

— Уродина: вздёрнутый нос, рот словно почтовый ящик, а глаза кошачьи.

При этих словах две женщины от души расхохотались.

— Ты её ни с кем не спутаешь, — снова сказала Маллинс. — А если будешь хорошим мальчиком, я открою тебе одну тайну, — добавила Элиза Грэм.

— Я буду хорошим и тихим, — сказал бедный Х——лл, про себя хитроумно рассчитывая свой ход.

— У неё пятидесятифунтовая банкнота в муфте; просто подойди к ней, выхвати муфту и беги к себе в гостиницу — там ты её и найдёшь.

— Очень хорошо, — сказал Х——лл, взял шляпу и выбежал наружу, услышав вслед:

— И ты даже не угостишь нас рюмочкой за то, что мы тебе рассказали? Жалкий скряга!

Едва спустившись по лестнице, он поспешил в полицейскую контору, где сообщил об ограблении на пятьдесят фунтов, совершённом Джин Маллинс, и описал трёх женщин и дом. Я взял это дело на себя, поскольку хорошо знал «Святую землю», равно как и почти каждого из её обитателей. После разговора, во время которого всё ещё взволнованный господин Х——лл желал подробно распространяться обо всех этих обстоятельствах, а я счёл необходимым его прервать, я отправился, задержал девушек, безуспешно обыскал дом и нашёл при них лишь немного серебряных монет.

В ту ночь нельзя было сделать больше ничего. Банкнота уже была передана скупщику краденого, а розыск подобных вещей всегда дело тонкое. Однако и на этот раз у меня имелась своя мысль. Некий Томас Браун держал лавку старого металла на нижнем этаже «Счастливой страны», и у меня были веские причины полагать, что он служил скупщиком краденого для воров с разных этажей. На следующее утро около десяти часов я уже был начеку, но, поскольку предмет, который я разыскивал, был настолько мал и тонок, что его можно было спрятать в грецком орехе, я понимал, что у меня не останется ни малейшего шанса завладеть им, если моя тень появится в дверях этого человека. Кроме того, я знал, что он разменяет банкноту в каком-нибудь банке, и было даже полезно дать ему время это сделать. В десять часов я выяснил, хотя и не заходя к нему, что он вышел, и тотчас отправился на поиски, надеясь, что он попадётся мне на глаза. Если бы я стал обходить банки, вся польза от этого свелась бы на нет из-за возможности наткнуться на Брауна. В тот день мне пришлось немало побегать. Я нигде не мог его найти и уже собирался оставить этот след, положившись на удачу в разных банках, как наконец, переходя верхнюю часть Лейт-Уок, увидел своего торговца металлом в сопровождении ещё одного человека, шедших прямо из Лейта. Тут мне пришло в голову, что, поскольку в то время воры нередко меняли английские банкноты в Лейте, Браун с приятелем могли только что побывать там в отделении Банка Шотландии и осуществить свой замысел. Поэтому я решил пока не обращать на Брауна внимания и положиться на удачу своей «догадки». Я поспешил в Лейт и, наведя справки, узнал, что всего несколькими минутами ранее банкнота действительно была разменена в тамошнем банке. Я пожалел, что номер банкноты был неизвестен господину Х——ллу, а следовательно, и мне, но получил такое описание приятеля Брауна, что не сомневался в личности этого человека. Я взял банкноту у банковского служащего под расписку и поспешил в Эдинбург.

Я отправился и задержал Брауна, а затем разыскал его приятеля, чьё имя не записано в моей книге. Никогда ещё человек не был так восхищён, как господин Х——лл, когда он узнал о судьбе банкноты; однако дело ещё не было завершено. Не оставалось никаких сомнений

относительно странствий этого маленького клочка бумаги и рук, через которые он прошёл, но существовала одна трудность. Банковский служащий мог опознать приятеля Брауна; но если тот не желал говорить, кто мог опознать банкноту, номер которой не был назван, поскольку его никто не знал? А если мы не могли удостовериться, что она украдена, банк потребовал бы её обратно. Более того, мы не смогли бы привлечь к ответственности ни грабительниц, ни скупщиков краденого. И даже если бы я обнаружил пятьдесят шотландских банкнот при Брауне или у него дома, положение ничуть не улучшилось бы, потому что, сколь бы убедительным ни было предположение, недоставало бы законного доказательства, что эти деньги получены в обмен на ту самую пятидесятифунтовую банкноту.

Мне оставалось одно средство. Я отправился к приятелю Брауна.

— Ну, — сказал я, — теперь тебе дорога в Ботани-Бей.

— Вы ещё должны доказать мою вину, — угрюмо сказал он, поскольку, несомненно, получил свою долю добычи.

— Как же, — ответил я, — это очень простое дело. Служащий банка в Лейте покажет под присягой, что именно ты разменял банкноту в его конторе.

— Ну и что из этого? — спросил он, пока ещё не слишком встревоженный.

— Что из этого? У тебя потребуют объяснить, откуда ты взял банкноту.

— Никто не обязан рассказывать, откуда у него деньги, — упрямо ответил он.

— Разумеется, если его к этому не принуждают.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

— Только то, — ответил я, — что, поскольку всякий честный человек готов объяснить, откуда взялись его деньги, твой отказ сочтут признанием, и ты будешь отвечать за ограбление.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно; и какой же ты дурак! Предположим, ты получил банкноту от Брауна и так и скажешь — тогда ты свободен. Ты находишься за целую милю от этих женщин, и никто не станет винить тебя за то, что Браун одурачил тебя, а скорее пожалеют. К тому же ты исполняешь свой долг перед отечеством.

Эти последние слова сделали своё дело — человек сдался.

— Ну, — сказал он, — я действительно получил банкноту от Брауна, чтобы разменять её, и разменял, оставив один фунт себе.

— И ты подтвердишь это под присягой?

— Да, — твёрдо ответил он.

— Прекрасно, — сказал я. — После суда тебя отпустят без всякого вреда для тебя.

Так закончилось это странное дело. Все три обительницы «Святой земли» вместе с торговцем металлическим старьём предстали перед Высоким судом. Одну из девушек — кажется, Элизу Грэм — оправдали, но на каких именно основаниях, я не помню. Маллинс и Томсон как грабительницы и Браун как скупщик краденого были приговорены каждый к семи годам.

Я всегда считал это дело одним из самых шатких, какие только проходили через мои руки. Оно возымело хорошее действие. «Святая земля» не стала святее — это было невозможно, — но, по крайней мере на некоторое время, её обитатели стали осмотрительнее. На процессе присутствовало великое множество «иерусалимских дев» в белых одеяниях невинности, и они должны были принести на «Святую землю» известие об участи своих сестёр.

ОЛОВЯННАЯ ЛОЖКА

Однажды, лет восемнадцать тому назад, когда я направлялся в управление, мистер Дэвидсон, торговец скобяными товарами на Хай-стрит, позвал меня в свою лавку. По-видимому, он хотел сообщить мне нечто чрезвычайно таинственное, потому что провёл меня в заднюю комнату и закрыл дверь. Что до всех этих предосторожностей и его вытянутого лица, я обыкновенно придаю таким вещам мало значения, поскольку нередко обнаруживаю, что тайны, скрывающиеся в головах обладателей длинных физиономий, имеют весьма слабые основания; однако не стану говорить, оправдались ли в данном случае мои ожидания или нет.

— Знаете ли вы, — сказал он, — что в моей лавке почти каждый день происходит нечто такое, чему я никак не могу найти объяснения?

— Из кассы пропадает серебро — по моему опыту, самое обыкновенное происшествие.

— Нет, — сказал он, — речь идёт об олове. Затем, придвинувшись ко мне поближе, он продолжил: — Есть одна ещё довольно молодая и весьма привлекательная женщина, с кротким, невинным выражением лица, которая уже довольно долгое время приходит сюда и неизменно покупает вещь одного и того же рода.

— Неужели вы торгуете отмычками?

— Нет, и вещь эта не имеет с ними ничего общего. Скажу прямо: это оловянная ложка; и, поскольку я не особенно внимательно слежу ни за покупателями, ни за их покупками, сомневаюсь, чтобы обратил особое внимание даже на три или четыре её посещения; но вот уже несколько месяцев она приходит почти через день, берёт одну-единственную ложку, кладёт деньги...

— Которые вы, разумеется, проверяете?

— ...И уходит; мало того, случалось, что за одной такой ложкой она приходила два раза за день. Единственное объяснение, какое я сумел придумать этому загадочному делу, хотя оно и самому мне кажется нелепым, состоит в том, что она понемногу, одну за другой, похищает серебряные ложки из какого-нибудь ящика со столовым серебром, быть может, в доме своего хозяина, и каждую серебряную ложку заменяет оловянной, чтобы сохранить прежний вес и видимое количество приборов.

— Догадка более изобретательная, нежели убедительная, — сказал я.

— Сам это признаю, а потому окончательно зашёл в тупик.

— И недалеко вам пришлось зайти, если судить по тому, что вам известно о женской природе, — сказал я. — Дело здесь гораздо глубже, чем даже вы предполагаете.

— Ну, я просто умираю от желания узнать.

— И узнаете прежде, чем умрёте, но, пожалуй, не раньше послезавтра, то есть четверга, или пятницы, а может статься, даже субботы; однако узнаете непременно. Вы ожидаете её сегодня?

— Вряд ли, ведь она была здесь вчера, в понедельник. По субботам она нередко покупает две ложки.

— Это не так уж трудно объяснить, — сказал я. — Судя по её привычкам, ждать её следует завтра. Мне очень хочется познакомиться с ней, и завтра до полудня я буду прохаживаться напротив вашей лавки, поджидая её. Как она одета?

— Всегда в одной и той же шали и шляпке.

— Лента на шляпке — хорошая примета для опознания.

— Ну, лента у неё оранжевая, шляпка из тонкой соломки, а шаль — белая, пейслийская, с каймой в виде раковин.

— Оранжевый — резкий цвет, — сказал я, поскольку очень люблю подобные наблюдения; — он даже действует мне на нервы, до того он пронзителен. Такой женщине, казалось бы,

нечего делать с зелёным цветом, и всё-таки в ней есть некоторая зелень; но где именно, вам ни за что не угадать.

— Где же?

— Да в той нелепости, с какой она снова и снова проделывает перед вами один и тот же трюк.

— Но как раз это обстоятельство и заставило меня думать, что у неё не может быть никаких дурных намерений.

— Вы не знаете, что у порока имеются свои слабости. Дьявола всегда следовало бы рисовать хромым.

— Но в самом деле, — возразил добрый человек, — эта женщина такая кроткая, такая смиренная, словно ягнёнок, понимаете, такая...

— Да, такая, словно падший ангел на театральных подмостках, что вы и помыслить не можете, какие дела творятся за кулисами; именно так. Ну, вы меня поняли: завтра до полудня я буду напротив вашей лавки, верно?

— Скажем, в двенадцать.

— В двенадцать; и будьте любезны сами выйти к двери как раз тогда, когда она будет уходить, чтобы я мог узнать мою «нимфу оловянной ложки».

Выйдя из лавки после того, как я таким образом расставил свою сеть, ячейки которой обычно не бывают чересчур широкими и в которой я стараюсь по возможности не оставлять лазеек, я отправился по прочим дневным делам, почти вовсе не вспоминая об оловянной ложке; да и едва ли я польстил бы кому-либо, кроме самых простодушных людей, если бы предположил, будто сумел проникнуть в это довольно любопытное дело глубже всякого обыкновенного наблюдателя. Тем не менее на другой день я был на своём посту, прохаживаясь по северной стороне Хай-стрит, туда и обратно возле лестницы «Скотсмена», и замечая, не глядя на них в упор, своих «подопечных», из которых многие, проходя мимо, внезапно отклонялись в сторону, обнаружив меня поблизости, и всё-таки стыдились выказать свою неблагодарность человеку, который так заботился о них, когда они, по-видимому, не умели позаботиться о себе сами. Среди них оказалась молодая женщина по имени Мэгги Блэквуд, хотя знакомство моё с ней было давним. Я видел, как Мэгги пристально разглядывала меня откуда-то со стороны Креста. Можно усомниться в том, что с такого расстояния я способен различить движение человеческих глаз. Не желаю вступать по этому поводу в пререкания, но не посоветовал бы никому, кто ещё пользуется преимуществом носить на шее шёлковый платок вместо сделанного из более грубой материи и снабжённого концами подлиннее батистовых лент, слишком полагаться на мою неспособность. Словом, я не сомневался, что Мэгги не только рассматривала меня, но и следила за моими движениями. Необыкновенная девушка, как, впрочем, и её сестра, почти её ровесница; обе сметливые и пригодные для всякого занятия, при котором может потребоваться моё содействие. За время своего ещё недолгого странствия по жизни они перепробовали все занятия, существующие по ту сторону закона: проституцию, карманные кражи, участие в качестве негласных компаньонов в предприятиях напёрсточников и карточных шулеров, ремесло «любезных девиц» при игроках, почитавших изящные искусства (природы), — и всё же до сих пор проходили через все опасности почти невредимыми; по крайней мере, если раз или два и обжигались, то ухитрялись не только залечить ожог, но и скрыть шрам. При всём том они сохранили друг к другу привязанность, словно сиамские близнецы, и взаимную способность противостоять причинам, которые обыкновенно столь скоро приводят порочных и распутных женщин к гибели и смерти, причём узы эти так крепко связывали и поддерживали их, что, посвятить они свои жизни добру, невозможно было бы не восхищаться ими. Секретом всех их успехов — ибо пройти сквозь такой огонь и впрямь успех — была хитрость, свойство, подобное некоторым тростям: пока они зелёные, на них удобно опираться или ими защищаться, но когда они высыхают и стареют, они ломаются и вонзаются в самого владельца.

Едва Мэгги заметила меня и увидела, как я повернулся, она быстро зашагала дальше, словно спешила по какому-то весьма похвальному делу, но прежде я успел приметить оранжевую ленту на белой соломенной шляпке и кайму с раковинами. «Ага, вот и моя нимфа оловянной ложки!» Она решила, что я собираюсь стать между ней и её кашей, а потому ложка окажется ей ни к чему. Но разве собирался я лишать Мэгги её ложки? Ни в коем случае. Я перешёл улицу и направился в управление, чтобы избавить её любезную робость от губительного действия моего надзора. Я мог рассчитать, сколько времени ей понадобится, чтобы войти к мистеру Дэвидсону, купить ложку и снова выйти.

Так оно и вышло: прождав всего несколько минут в углублении лестницы управления, я перешёл через улицу и стал немного в глубине прохода между домами, откуда имел удовольствие увидеть, как Мэгги выходит из лавки, а мистер Дэвидсон провожает её до самой двери с таким просветлевшим лицом, что послал мне знак, в котором я вовсе не нуждался. Теперь большой осторожности уже не требовалось, поскольку Мэгги была известна на улицах города; к тому же, насколько можно было судить, она и её сестра не слишком скрывали своё жилище, хотя вовсе не желали принимать визиты или знаки почтения от дорогих старых друзей. Боялась она лишь того, что я увижу, как она входит в лавку; тем не менее я счёл благоразумным не набрасывать на её «оранжевое» тень своего болиголова, а потому держался поодаль, продолжая идти за ней, пока она не скрылась на лестнице одного из домов Грассмаркета. Я не последовал за ней в комнату, поскольку такой шаг не согласовался с моим способом вести подобные дела.

Боже вас благослови, да ведь мы с этой лестницей — с её этажами, глядящими маленькими глазками окон на Грассмаркет, — были старыми друзьями; мы знали тайны друг друга и никогда не помышляли об измене в нашей любви и доверительных отношениях. Даже в тот же день после полудня, когда я, отправляясь домой обедать, высматривал хоть какой-нибудь случайный лучик доказательства, способный утолить мою жажду света, какое-то побуждение заставило меня легонько коснуться пальцем плеча одной старухи.

— Кто у вас теперь живёт, миссис W——? — спросил я.

— Две девицы, — последовал ответ.

— Как их зовут?

— Мэгги и Бесс Блэквуд, — немедленно ответила она.

— Давно они у вас?

— Уже изрядно; может, месяцев шесть.

— А чем они теперь живут? — продолжал я, видя, что она так охотно разговаривает.

— Живут! Да прекрасно, сэр, деньжонок всегда вдоволь; ведут себя очень тихо и не выходят, пока не начнёт смеркаться.

— А мужчины к ним ходят?

— Почитай никто; с тех пор как я их знаю, они совсем исправились; даже миссионера иногда впускают, в таком густо-коричневом, почти чёрном пальто и в таком жёлтоватом, почти белом галстуке, а когда он уйдёт, запирают дверь на засов, и тогда я уж не знаю, не молятся ли они, — сами-то ничего такого не говорили, но что же мне ещё думать?

— Миссионера? — произнёс я скорее задумчиво, чем обращаясь к ней, — несомненно, но в чём состоит его миссия? — подумал я, когда мысли мои вновь завертелись вокруг образа оловянной ложки. — И вы думаете, они запираются от вас, чтобы никто не мешал им молиться?

— Именно так, потому что особенно Мэгги стала очень набожной, сэр; да у них ещё и Библия имеется; занятная для них книжка, сами понимаете.

— Что ж, миссис W——, — серьёзно сказал я, — мне приятно видеть, как мои прежние воспитанницы обращаются к этой книге; и, чтобы убедиться самому, я намерен заглянуть к ним завтра или послезавтра, между двенадцатью и часом. Если увидите, что я поднимаюсь, не обращайтесь на меня внимания, словно я и есть тот самый миссионер.

— Именно так, — отвечала она, словно подмигнув, но тут же взглянув на меня с недоумением, поскольку никак не могла меня понять, ибо перед обедом я был настроен необычайно серьёзно.

Доверяя миссис W——, я не имел причин ожидать, что кто-нибудь помешает моему замыслу. У моих благочестивых дам оставалось лишь больше времени для молитв, и ничто не мешало очередной покупке ложки; и только через день после этого я снова оказался позади Мэгги, у которой в кармане лежала ещё одна такая же ложка. Я позволил ей дойти до дому, подняться по лестнице, войти в самое святая святых и, если пожелает, запереть дверь на засов, — и даже выждал ещё полчаса, как раз столько, сколько требовалось, чтобы дойти до середины дела, для которого предназначалась оловянная ложка, но жестоко не оставив времени на созревание плодов, посеянных миссионером в коричнево-чёрном одеянии и жёлто-белом галстуке. По истечении этого срока я тихонько, как обычно, следуя своему правилу «действовать помягче», поднялся по лестнице, осторожно нажал пальцем на дверную щеколду — засова теперь не было — и представился благочестивым девицам. Признаюсь, я не обратил никакого внимания на то, как они вздрогнули и пришли в смятение от моего столь бесцеремонного появления; вместо этого, окинув комнату взглядом, я положил руку на один из семи шиллингов, разложенных в ряд на верхней поперечине кровати.

— Соблазнительные деньги, Мэгги, да горячие, — сказал я, отдёргивая руку от раскалённой монеты. — Уж не от самого ли дьявола они получены?

Обе девицы были слишком благоразумны, чтобы возражать или хотя бы извиняться за то, что обожгли мне пальцы; к тому же они застыли как вкопанные.

— Однако какой же я невежа, — продолжал я и, повернувшись, схватил форму, стоявшую возле каминной решётки, и вытряхнул из неё последнюю, ещё не до конца отчеканенную монету, — ведь я даже помешал трудолюбивым женщинам «делать шиллинг».

— Не нужны нам ваши издевательские любезности, — сказала Мэгги, кусая свои тонкие губы, которые не смогла бы прокусить до крови, сколько ни кусай, — такими белыми, будто совершенно бескровными, они были. — Мы знаем, что всё пропало, но я бы в сто раз предпочла вашим насмешкам самые страшные проклятия.

— И я тоже, — сказала Бесс, едва выдавив из себя эти слова.

И кто же появился в эту минуту, как не обладатель миссионерского призвания, оказавшийся, однако, самым бесполезным слугой своего господина: ведь если когда-нибудь его ученицы нуждались в утешении, так именно теперь; но стоило ему увидеть меня, как он закричал: «Маклеви — дьявол!» — и бросился бежать, даже не оставив нам благословения! Если он знал меня, то и я его знал. Поскольку помощника при мне не было, я мог проводить его лишь сожалением о том, что он так шарахнулся от старого благодетеля, ведь прежде я уже отправлял его с миссией в Ботани-Бей, чтобы он научился хорошему поведению; однако он вернулся и принялся совмещать целых четыре ремесла: был содержанцем моих двух нимф оловянной ложки, сбытчиком этой самой ложки в виде шиллингов, религиозным прикрытием их мошенничества и весьма преуспевающим попрошайкой в духовном облачении, который выпрашивал в домах Нового города небольшие подаяния для вдов в Каугейте, умирающих среди воплей своих голодающих детей. И всё же некоторое время спустя мне представился случай умерить свой гнев, возложив на его голову горящие угли в виде новой миссии в Ботани-Бей. Я даже сделал больше, отправив туда прежде него обоих его возлюбленных, чтобы по прибытии он не остался без друзей и не оставался без них ещё семь лет. Но я забегаю вперёд. Когда шиллинги и молодые женщины остыли настолько, что к ним стало можно прикоснуться, я препроводил тех и других в надёжное помещение, после чего отправился обедать. Проходя мимо лавки мистера Дэвидсона, я потешил одну свою прихоть:

— Сколько Маргарет Блэквуд платила вам за каждую ложку? — спросил я.

— Три пенса.

— Не может быть, иначе вы должны очень плохо разбираться в цене олова.

— Почему?

— Да потому, что, видите ли, из одной ложки получается восемь шиллингов, а если предположить, что вы продали ей сорок ложек, то за десять шиллингов отдали ни много ни мало шестнадцать фунтов.

— А! — рассмеявшись, сказал он. — Вижу, что из-за этих ложек я и сам оказался порядочным простофилей.

ДОЛГО ИСКАЛИ — НАКОНЕЦ НАШЛИ

Одно из далеко не последних по странности обстоятельств моей жизни состоит в том, что мне почти никогда не случалось сильно желать заполучить какого-нибудь примечательного человека и не добиться своего. Как же тревожил мои лавры этот ловчайший из всех воров, Адам М'Дональд! Если и был на свете человек, нарушавший мой ночной покой, то именно он. Двадцать пять лет он взимал дань с добрых жителей Эдинбурга; и всё же благодаря своей осторожности, ловкости и дерзости избегал неприятностей. Его часто задерживали, но он столь искусно пользовался тем, что его не узнавали, алиби и подставными лицами, что всякий раз оставлял всех в дураках. По мере того как росла моя репутация, росла и моя досада на его славу. Было время, когда он составлял цель и предмет всех моих честолюбивых помыслов. Да, я отдал бы всю свою славу, чтобы вновь заслужить её поимкой одного этого человека. Мы прекрасно знали друг друга, часто встречались и смотрели друг на друга, говоря взглядами столь же ясно, как только могут говорить взгляды: «Я знаю, ты любишь меня, Маклеви, но я застенчив и никогда не позволю тебе заключить меня в свои объятия» — «Почему же ты не отведаешь, Адам? Яблоко сладко; и даже если оно будет стоить тебе души, я стану ласковым твоим хозяином». Ничего не помогало. Если я был джентльменом, который берёт под стражу, то он был джентльменом, остававшимся на свободе. Если я изощрялся в переменах мест, то Адам был повсюду и в то же время нигде. Если я был готов на одну хитрость, то Адам был готов на двадцать. Если я горел желанием поймать Адама как единственную добычу, то Адам ревностно стремился заполучить множество предметов, не попадаясь сам. Если я мучился разочарованием, то Адам наслаждался успехом. Никогда ни одному Адаму я не завидовал так сильно, как ему, и никогда ни одного Адама не было столь трудно соблазнить.

Говорят, что, если «достаточно долго ждать, чтобы стать жильцом дома, можно заночевать и в королевском дворце». Я прождал бы и сто лет, лишь бы завладеть этим человеком; но, вероятно, мой добрый ангел, Случай, счёл, что пятнадцати лет ожидания с меня довольно. И всё же это был не весь срок его торжеств, ибо они продолжались двадцать пять лет — да, он был велик, когда я был мал, знаменит, когда я был никому не известен. И уж конечно, этих пятнадцати лет было достаточно. Я, во всяком случае, так считал, и некоторые другие сыщики среди богов, должно быть, держались того же мнения; ибо в январе 1835 года нам сообщили, что накануне вечером у одного джентльмена на Хай-стрит украли золотые часы и что подозрение пало на знаменитого Адама как на искусного исполнителя этого дела. Кому же ещё сержант-майор Рэмедж мог поручить столь важное дело, как не мне, его естественному сопернику в славе? Да, это поручение стало истинной гордостью моей жизни; и я принялся исполнять его так, словно получил доверенность на владение доходом в тысячу фунтов в год.

Однако сама эта милость поначалу походила на насмешку. Подозрение против него было не более чем паутиной из носившихся в воздухе догадок. Никто не решался опознать его под присягой, а он держался так вызывающе, что я не мог задержать его, не имея доказательств, которые оправдали бы моё посягательство на свободу британского подданного по рождению. Меня донимали советами — разновидностью подношений, которую я никогда особенно не ценил, ибо, хотя давать их ничего не стоит, получать их нередко обходится дорого. Одна из слабостей признанных знаменитостей заключается в своеобразной гордости за удачно исполненное дело, которая (сколь бы невероятным это ни показалось обычным мыслителям) словно роковой силой влечёт их на место торжества — да, к повторению того же самого поступка на том же самом месте.

Пусть это слабость, я нередко находил в ней свою силу. Едва ли поверят, что без четверти семь того самого вечера, когда я получил своё поручение, я уже стоял в проходе к Милн-сквер, почти совершенно уверенный, что Адам вновь появится поблизости и примется за прежнее.

Там я и стоял, пока Малхолланд ходил с каким-то поручением на Принсес-стрит; и прежде чем он возвратился, кто, как не мой приятель Керр, дорожный надзиратель из Джокс-Лодж, прошёл мимо меня на восток — под хмельком, но ещё способный хоть сколько-нибудь позаботиться о себе? Я знал, что у него имеются золотые часы, которые он оберегает цепочкой, надетой на шею. Не успел он пройти, как я увидел Адама и его верного друга Эбенезера Чизолма, следовавших за этой нетвёрдо державшейся на ногах добычей и наблюдавших за ней с середины Хай-стрит. Сердце моё подпрыгнуло бы, если бы мне не требовалось, чтобы оно продолжало биться обыкновенным образом, — и даже это биение мне хотелось бы сделать спокойнее.

Не стану утверждать, будто именно несколько строптивое положение моего дела в одно мгновение превратило меня в девяностолетнего старика, хромого, словно паралитик. С каким трудом, с каким насилием над собственной природой я пересёк улицу, ни на миг не спуская глаз с жертвы и её преследователей. Я видел, как они вышли с середины улицы на тротуар возле двери табачной лавки Макинтоша, где взяли Керра под руки — несомненно, словно друзья, каждый с одной стороны, чтобы помочь ему идти и уберечь от грабителей. При виде этого я вновь помолодел, мой паралич исчез, и я занял место под аркой Блэкфрайарс-Уайнд. Да простят мне небеса моё заклинание, чтобы этот человек, Адам М'Дональд, в ту самую минуту был отдан в мои руки. Конечно, такая молитва заслуживала бы прощения, если бы на неё последовал ответ, но тогда это случилось бы лишь после того, как они отвели бы его в Королевский парк по дороге домой, где смогли бы беспрепятственно заняться своим делом. Неужели они окажутся настолько глупы, чтобы попытаться ограбить дорожного надзирателя на главной улице города? Ответ — я уже привёл свой расчёт, над которым все смеялись. Я видел, как они сошли с тротуара напротив той самой арки, под которой я стоял. В одно мгновение Керра сбили с ног, и он растянулся на спине, ударившись головой о гранит с таким звуком, что я услышал его со своего места. Чизолм прижимал его к земле; Адам, сняв с шеи жертвы золотую цепочку, намотал её себе на руку вместе с часами и бросился бежать, — Чизолм в ту же минуту устремился в густонаселённую часть Канонгейта. Но куда же помчался Адам? Прямо в мои объятия! Да, я с радостью принял его, как давно потерянного друга. Но эта неблагодарность, на которую я так часто жаловался! Едва я схватил его, как он вступил со мной в борьбу, которая завершилась бы его побегом, не будь я так силён, каков я есть. Только однажды мне доводилось иметь дело с ещё более трудным противником. В ту минуту, когда мы сцепились, я увидел на его лице черты демона, а поток слов, перемешанных с пеной, обрушился на меня не только через уши: «Маклеви, дьявол из всех дьяволов!» — на что я ответил, хотя и без пены: «Адам М'Дональд, любовь всей моей жизни!» Но ни моя хватка, ни даже мои ласковые слова не могли его успокоить. Он резко извивался из стороны в сторону, дышал всё тяжелее, всё яростнее сверкал на меня своими пылающими глазами, которые я различал даже в темноте; и всё же вырваться ему не удавалось. На каждое его движение я отвечал равным и противоположным действием, и по мере того как толпа росла, его решимость наконец начала ослабевать. Да, я уже почти одолел этого героя двадцатипятилетних торжеств, когда Малхолланд, вернувшись с Принсес-стрит и увидев толпу внизу Хай-стрит, подошёл и положил свою руку на моего противника.

— Адам М'Дональд, — сказал я.

— Адам Макдональд! — с удивлением повторил он.

— Долго искали — наконец нашли, — ответил я.

— Да, человека вы поймали, — сказал Адам с горькой усмешкой, — но больше ничего. Я бросаю вам вызов. Я не сделал ничего противозаконного, и чужого имущества у меня нет.

— Вот часы, — сказал человек по фамилии Макгрегор, державший трактир в начале переулка; — я стоял у своей двери, когда грабитель бросился сюда, и в тот миг, когда вы сцепились, услышал у своих ног звон чего-то упавшего. Подняв это, я обнаружил, что это часы. Я отдаю их вам, мистер Маклеви.

— Я ничего о них не знаю, — крикнул Адам; — вы не докажете, что они когда-либо находились у меня.

— Я видела, как вы свалили мистера Керра посреди улицы, — крикнула какая-то женщина, заглядывая М'Дональду в лицо.

— Ложь! — крикнул разъярённый демон.

— Да он до сих пор там лежит, человек вы этакий, — настаивала женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.